

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»

На правах рукописи

МАНЬКОВА Екатерина Владимировна

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему

«Церковно-государственные отношения в отражении российской
периодической печати (1908 — 1914 гг.)»

Научный руководитель —
профессор, доктор исторических наук
Кашеваров Анатолий Николаевич
Кафедра истории журналистики

Санкт-Петербург

2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА: ПРЕДПОСЫЛКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ.....	12
1.1. «Москва — третий Рим»: зарождение симфонических отношений между государством и церковью.....	12
1.2. Церковная реформа Петра I и её значение	15
1.3. Изменение роли обер-прокуратуры в течение синодального периода. Константин Петрович Победоносцев и зарождение дискуссии о церковном реформировании.....	23
1.4. Дискуссия о свободе совести в начале XX века	26
1.5. 1905-й год: законодательный поворот в сфере церковно- государственных отношений	31
ГЛАВА II. РАЗВИТИЕ ВОПРОСА О ЦЕРКОВНОМ РЕФОРМИРОВАНИИ 1908-1914 гг. СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ «РУССКИЕ ВЕДОМОСТИ».....	46
2.1. Либеральная газета «Русские ведомости» и её ведущий публицист С. П. Мельгунов	46
2.2. Программа церковного реформирования газеты «Русские ведомости»	49
2.3. Вероисповедная политика государства: юридический аспект, ключевые законопроекты 1908-1914 гг. и их оценка «Русскими ведомостями»	52
2.4. Русские ведомости о миссионерстве	62
2.5. «Русские ведомости» о реформе прихода: позиция либерального издания в контексте общественной дискуссии	71
2.6. Церковное образование в начале XX-го века: законодательные инициативы, основные векторы общественной дискуссии и их оценка либеральной газетой «Русские ведомости»	79

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	93
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	99

ВВЕДЕНИЕ

Начало XX-го века — интересный и сложный период для истории Православной Российской Церкви. Изменения общественно-политического строя страны и нестабильная политическая обстановка поставили перед Церковью новые вызовы, эксплицировав накапливавшиеся в течение нескольких веков проблемы и противоречия. **Объектом** исследования являются церковно-государственные отношения в условиях «думской монархии», **предметом** — особенности их развития сквозь призму либеральной газеты «Русские ведомости».

Хронологические рамки исследования — 1908–1914 гг. Спустя 3 года после обнародования Высочайшего Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» общество подводило первые итоги функционирования молодой конституционной монархии. Вполне определился вектор взаимоотношений государства с социальными институтами, в том числе, Православной Российской Церковью. Кроме того, в конце 1907-го года начала работу III Государственная Дума, активно занявшаяся церковным реформированием. Этими факторами обусловлена нижняя граница исследования. Верхняя граница связана с вступлением России в Первую мировую войну, когда внешнеполитическая обстановка оттеснила все внутренние проблемы государства на второй план.

Актуальность темы исследования. Несмотря на то, что Россия XXI-го века является светским государством, православие по-прежнему играет важную роль в жизни общества, и вопрос о пределах сотрудничества между институтом государства и Российской Православной Церковью актуален для отечественных СМИ. Ярким примером интереса общественности и прессы к проблеме церковно-государственных отношений стал недавний эпизод нашей истории: дискуссия вокруг дела панк-группы «Pussy Riot», в рамках которой обсуждалась допустимость уголовного преследования за некорректное поведение в стенах храма. Для современной России особенный

интерес может представлять изучение либеральной публицистики прошлого столетия и её подходов к проблемам церковно-государственных отношений.

Степень научной разработанности темы. В настоящее время история Русской Православной Церкви и тема государственно-церковных отношений является одной из наиболее разрабатываемых тем как церковными, так и светскими исследователями. Для представленного исследования наибольший интерес представляют работы, в фокусе которых оказываются следующие исторические периоды с их характерными особенностями:

— первые века христианства на Руси, влияние константинопольской идеи симфонии властей на модель церковно-государственных отношений в России (Карташов А. В.¹, Смолич И. К.², Знаменский П. В.³);

— синодальный период, значение церковной реформы Петра I, развитие церковно-государственных отношений в свете подчиненного положения Православной Российской Церкви (Карташов А. В.⁴, Смолич И. К.⁵, Федоров В. А.⁶, прот. Цыпин В.⁷);

— начало XX-го века и развитие церковно-государственных отношений в условиях молодой «думской монархии» (Поспеловский Д. В.⁸, Федоров В. А.⁹, Фирсов С. Л.¹⁰).

Тем не менее, никем из отечественных исследователей не предпринималась попытка анализа темы церковно-государственных

¹ Карташов А. В. Очерки по истории русской церкви, Том 1. Париж, 1959.

² Смолич И. К. История Русской Церкви: 1700-1917: В 2 ч. М., 1996-1997.

Смолич И. К. К вопросу о периодизации истории Русской Церкви //Альфа и Омега: Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. М., 1998. № 3 (17). С. 159-174.

³ Знаменский П. В. История Русской Церкви. М., 1996.

⁴ Карташов А. В. Очерки по истории русской церкви, Том 2. Париж, 1959.

Карташов А. В. Церковь и государство. Париж, 1932.

⁵ Смолич И. К. История Русской Церкви: 1700-1917: В 2 ч. М., 1996-1997.

Смолич И. К. К вопросу о периодизации истории Русской Церкви //Альфа и Омега: Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. М., 1998. № 3 (17). С. 159-174.

⁶ Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700-1917). М., 2003.

⁷ Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды (1700-2005). М., 2007.

⁸ Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.

⁹ Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700-1917). М., 2003.

¹⁰ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002.

отношений начала XX-го века через призму газетной публицистики. С этим связана **научная новизна** данной работы.

Теоретическая база исследования включает также работы, посвященные вопросам церковного реформирования, реализации принципов свободы совести в России начала XX-го века и функционирования Православной Российской Церкви в новых условиях.

Анализируя дискуссию о свободе вероисповедания, автор опирался на работы следующих российских современных авторов и историков прошлого: Бендин А. Ю.¹¹, Рейснер М. А.¹², Сафонов А. А.¹³, а также канадского ученого Колмана Х., исследовавшего сектантство и миссионерскую деятельность Православной Российской Церкви¹⁴. Существенный интерес для исследования также представляет такой документальный источник, как речь М. А. Стаховича на Миссионерском съезде 1901-го года в Орле и связанная с ней статья авторов Жуковой О. А. и Кара-Мурзы А. А.¹⁵

Важную роль для изучения динамики церковно-государственных отношений нашего периода играют исследования, связанные с вероисповедными законами в Государственной Думе. Здесь, безусловно, ключевым источником является комплексное исследование прот. Рожкова В. «Церковные вопросы в Государственной Думе»¹⁶. Также автор опирался на

¹¹ Бендин А. Ю. Свобода совести или веротерпимость? К вопросу о полемике в российской печати в начале XX столетия // Проект «Западная Русь». URL: <http://zapadrus.ru/rusmir/istf/719-xx-163.html> (дата обращения: 25.05.2016).

Бендин А. Ю. Эволюция понятия веротерпимости и указ 17 апреля 1905 г. / Исторические записки. Вып.9 (127) / отв. ред. Б.В. Ананьич. М., 2006.

¹² Рейснер М. А. Государство и верующая личность. СПб., 1905.

¹³ Сафонов А. А. Указ 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» в контексте формирования института свободы совести в законодательстве Российской империи URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/68005160> (дата обращения: 25.05.2016).

¹⁴ Колман Х. Ересь и сектантство: IV Всероссийский миссионерский съезд и проблема культурного влияния в России после 1905 г. Доклад на конференции "Православие и межконфессиональные отношения в России: прошлое, настоящее, будущее" (Санкт-Петербург, 6-8 июня 1995 г.). // Портал Преображенское братство. URL: <http://psmb.ru/mission/article/eres-i-sektantstvo-iv-vserossiiskii-missionerskii-s-1984/> (дата обращения: 25.05.2016).

¹⁵ Жукова О. А. Кара-Мурза. А. А. В борьбе за свободу совести (о дискуссии вокруг речи М. А. Стаховича на «Миссионерском съезде» в Орле 1901 г.) // Орловский мудрец, опередивший время. Сборник научных статей под ред. А.А. Кара-Мурзы. Орел, 2011. С. 27-46.

¹⁶ Прот. Рожков В. Церковные вопросы в Государственной Думе. М., 2004.

труды таких ученых, как Одинцов М. И.¹⁷, Пинкевич В. К.¹⁸, уже упомянутый Фирсов С. Л.¹⁹

В основе корпуса работ, посвященных проблеме реформирования прихода, лежат исследования известного церковного писателя начала XX-го века Папкова А. А.²⁰ Кроме того, привлекались работы Алексина К.²¹, Беглова А. Л.²², Журавского А. В.²³, Стефановича П. С.²⁴.

При рассмотрении дискуссии о высшем богословском образовании в начале XX-го века основной интерес представило исследование иером. Петра Еремеева²⁵.

В основу эмпирической базы исследования легли материалы влиятельной общественно-политической газеты либеральной направленности «Русские ведомости» за период 1908-1914 гг. (при изучении использовался метод сплошного просмотра). Также в работе были привлечены материалы ещё одной крупной газеты начала XX-го века «Новое время».

Значимыми документальными источниками, отражающими ход общественной дискуссии начала XX-го века о церковных проблемах и будущем Православной Российской Церкви, послужили «Отзывы

¹⁷ Одинцов М. И. Вероисповедные реформы в государственной думе (1906-1917 гг.): надежды, дискуссии и исторические уроки. // Российское объединение исследователей религии. URL: <http://rusoir.ru/president/president-works/president-works-199/> (дата обращения: 25.05.2016).

¹⁸ Пинкевич В. К. П. А. Столыпин и религиозный вопрос в начале XX века // Национальные интересы. 2004. № 4. URL: <http://www.ni-journal.ru/archive/52ab0058/698cdbec/d055ee76/f0a6600a/> (дата обращения: 12.02.2016).

¹⁹ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002.

²⁰ Папков А. А. Начало возрождения церковно-приходской жизни в России. М.: Москва, 1900.

Папков А. А. Необходимость обновления православного церковно-общественного строя. // Русский вестник, июнь, 1902 г. URL: <http://favor2.chat.ru/hist39ap.htm> (дата обращения: 12.02.2016).

²¹ Алексин К. Приход: община или учреждение? (дискуссия в Предсоборном присутствии) URL: <http://pstgu.ru/download/1343898520.stat.pdf> (дата обращения: 18.05.2016).

²² Духовное ведомство и приходские институты: проект положения о православном приходе в редакции В. К. Саблера 1912 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2013. Выпуск 7 (23). URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000560-5-1> (Дата обращения: 12.02.2016).

Беглов А. Л. Особое Совещание для выработки проекта о православном приходе 1907 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия «История. История Русской Православной Церкви». 2012. Вып. II: № 5(48). С. 39–61

²³ Журавский А. В. Приход в Русской Православной Церкви. XX век. Православная энциклопедия под общей редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2000.

²⁴ Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI-XVII веках. М., 2002.

²⁵ Иеромонах Петр (Еремеев). Проблемы реформирования высшей духовной школы в России в начале XX века. // Семинарская святоотеческая библиотека. URL: http://otechnik.narod.ru/eremovpr_1.htm (дата обращения: 12.02.2016).

епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе»²⁶, а также материалы Предсоборного Присутствия²⁷. Особое значения имеют два крупнейших законодательных акта начала прошлого века: указ от 17 (30) апреля «Об укреплении начал веротерпимости»²⁸ и Высочайший Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка»²⁹. Их анализ лёг в основу параграфа 1.5. первой главы данного исследования. Для анализа законодательной деятельности в сфере вероисповедной политике привлечен корпус документальных источников, связанных с деятельностью Государственной Думы и Совета министров³⁰.

Рассмотреть проблематику церковно-государственных отношений с позиций современников помогли мемуары Витте С. Ю., еп. Евлогия³¹.

Цель данного исследования — анализ опыта церковно-государственных взаимоотношений начала прошлого столетия в осмыслении либеральной журналистики.

Отсюда вытекают следующие исследовательские **задачи**:

1. Осмыслить генезис и развитие церковно-государственных отношений в России до начала XX-го века. Это поможет отследить истоки проблематики исследуемого периода.
2. Изучить ключевые векторы церковного реформирования начала XX-го столетия в их историческом, концептуальном и политическом аспектах.
3. Определить характер и динамику общественной дискуссии о церковно-государственном взаимодействии в реалиях «думской монархии».

²⁶ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. СПб., 1906. ч. I.

Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. СПб., 1906. ч. II.

Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. СПб., 1906. ч. III.

²⁷ Журналы и протоколы высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. СПб., 1906. Т. I.

Журналы и протоколы высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. СПб., 1906. Т. II.

Журналы и протоколы высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. СПб., 1907. Т. III.

Журналы и протоколы высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. СПб., 1907. Т. IV.

²⁸ Полное собрание законов Российской империи: Собр. 3-е. Т. XXV: 1905. СПб., 1908. С. 237-238.

²⁹ 17 октября 1905 г. Манифест об усовершенствовании государственного порядка // Российское законодательство X-XX вв. Т. 9. М., 1994. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/oct1905.htm> (дата обращения: 20.05.2016).

³⁰ Государственная Дума 2-го созыва. Обзор деятельности комиссий и отделов. СПб., 1907.

П. А. Столыпин: Программа реформ. Документы и материалы : в 2 т. М., 2011.

³¹ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994.

4. Представить либеральный подход к развитию отношений государства и церкви на примере ключевого либерального издания начала XX-го века газеты «Русские ведомости».

Основные исследовательские **методы**, используемые автором в работе, — это сравнительно-исторический метод (так как предмет исследования рассматривается в исторической перспективе) и институциональный анализ (в ракурсе взаимодействия государственных институтов и институтов Православной Российской Церкви). При изучении газетной периодики применялся неформализованный анализ текста.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Православная Российская Церковь в начале XX-го века находилась в состоянии кризиса, преимущественно связанного с моделью церковно-государственных отношений синодального периода, поставивших Церковь в зависимость от государства и лишивших её возможностей самоуправления. Взаимодействие государства и церкви в условиях «думской монархии» оказалось неэффективным, так как курс государства в области церковного реформирования напрямую зависел от политической обстановки в стране и потому не мог быть последовательным.

2. Газета «Русские ведомости», не будучи партийным изданием, являлась выразительницей идей русского либерализма. В области церковно-государственных отношений издание выступало за полную автономию Церкви и необходимость разрушения существующей в России схемы церковно-государственных отношений. В качестве основных векторов церковных преобразований «Русские ведомости» выделяли: реализацию принципов свободы вероисповедания и адекватную миссионерскую деятельность Православной Российской Церкви, созыв Поместного собора, возрождение прихода и наделение его правами юридического лица, обновление системы церковного образования на всех уровнях.

3. «Русские ведомости» были в корне недовольны политикой государства в области Церкви. Правительство и Государственная Дума

критиковались за паллиативный характер законопроектов, Святейший Синод – за стремление вернуться к дореформенным порядкам. С годами либеральная газета всё негативнее оценивает состояние церковно-государственных отношений и отмечает возврат к идеям полицейского государства. «Русские ведомости» в своей критике не учитывают ни влияния политической конъюнктуры, ни национальных особенностей взаимодействия государства и Церкви в России.

Теоретическая значимость исследования состоит в расширении научных знаний о церковно-государственных отношениях в России и о либеральных подходах к вопросам церковно-государственных взаимодействий.

Практическая значимость исследования заключается в том, что изученный опыт периодической печати в освещении церковно-государственных отношений может быть полезен современным юристам, представителям гражданского общества и журналистам, пишущим по данной теме.

Апробация результатов исследования. Ряд ключевых положений выпускной квалификационной работы был отражен в публикации «Газета “Русские ведомости” о церковном реформировании», вышедшей в рекомендованном ВАК журнале «Клио» в апреле 2016-го года³². Также автор выступал с докладами в рамках своего исследования на секциях международной конференции «Медиа в современном мире. Молодые исследователи» (публикации в сборниках конференции за 2014 и 2016 гг.)³³.

Структура работы определяется логикой исследования и состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

³² Манькова Е. В. Газета “Русские ведомости” о церковном реформировании // Клио. 2016. 22 апреля. № 4 (112). С. 13-21.

³³ Манькова Е. В. Полемика в ведущих периодических изданиях 1912 г. о деле епископа Гермогена // Средства массовой информации в современном мире. Молодые исследователи : материалы 13-й международной конференции студентов, магистрантов и аспирантов (11–13 марта 2014 года). Под ред. М. А. Бережной; сост. Е. А. Королев. СПб., 2014. С. 329-331.

Манькова Е. В. Газета «Русские ведомости» о свободе совести (1908–1910 гг.) // Современная медиасреда: творчество и коммуникативные практики. Взгляд молодых исследователей: межвуз. сб. науч. работ студентов и аспирантов. Вып. 15 / ред. М. А. Бережная, сост. А. Н. Марченко. СПб., 2016. , С. 69-76.

ГЛАВА I.

ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА: ПРЕДПОСЫЛКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

1.1. «Москва — третий Рим»: зарождение симфонических отношений между государством и церковью

Начало XX века в истории России ознаменовано ключевыми изменениями в структуре общественно-политического строя страны. Православная Российская Церковь столкнулась с целым рядом новых проблем и задач: необходимо было противостоять влиянию сектантов и иноверцев, усиливать миссионерскую работу, укреплять внутренние ресурсы Церкви. Кроме того, процесс демократизации в сфере вероисповедной политики проходил на фоне событий Первой русской революции и роста революционных настроений в стране. Между тем, к началу XX века церковное управление в России находилось в состоянии кризиса, и Православная Российская Церковь не была готова к вызовам нового столетия³⁴.

Изучение церковно-государственных отношений рассматриваемого периода представляется логичным начать с характеристики внутреннего состояния Православной Российской Церкви и краткого обзора церковно-государственных отношений в культурно-историческом срезе. Для того чтобы понять их характер и уловить истоки и предпосылки конфликтов, проявивших себя в начале прошлого столетия, заглянем в прошлое Православной Российской Церкви.

Христианство пришло на Русь в X веке из Византии, где вопрос церковно-государственных отношений имел богатую историю и уже был решен на законодательном уровне. В основу сложившейся в Византии симфонической модели была положена идея согласия и гармонии между

³⁴ Манькова Е. В. Газета “Русские ведомости” о церковном реформировании // Клио. 2016. 22 апреля. № 4 (112). С. 13-14.

церковью и государством, идея их сотрудничества в деле заботы о духовной и физической жизни подданных. Александр Дворкин в своих «Очерках по истории Вселенской Православной Церкви» привёл такие слова императора Иоанна I Цимисхия (ок. 925–76): «Я признаю две власти в этой жизни: священство и царство. Создатель мира вручил первой заботу о душах и последней — заботу о телах; если ни одна из них не ущемлена, мир находится в безопасности»³⁵. А император Юстиан I формулирует концепцию симфонии в 6-й Новелле для Патриарха Епифания так: «Величайшие блага, дарованные людям высшею благодатью Божией, суть священство (ἱερωσύνη) и царство (βασίλεια), из которых первое заботится о Божественных делах, а второе руководит и заботится о человеческих делах, а оба, исходя из одного и того же источника, составляют украшение человеческой жизни»³⁶. Как отмечал, анализируя источники, историк церкви Игорь Корнильевич Смолич, новеллы Юстиниана вошли в состав славянской Кормчей книги, а «основой для толкования отношений между государством и Церковью послужила главным образом Эпанагога»³⁷, византийский сборник законов конца IX века. От Византии Киевская Русь переняла представление о божественной природе царской власти и утвердила на своей земле симфонию церковной и светской властей.

Падение Константинополя вызвало необходимость переосмыслить эту теорию в новых исторических условиях, что с успехом было реализовано. В 1448-м году Поместный Собор избрал митрополита, не утверждая его патриархом Константинопольским, что считается началом автокефалии русской церкви. Этот момент очень важен и для развития идейной базы церковно-государственных отношений в России. Находим у Смолича: «Отныне именно Московская Русь представлялась тем гарантом, который

³⁵ Дворкин А. П. Очерки по истории Вселенской Православной Церкви: Курс лекций. Нижний Новгород, 2005. URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/434799/> (Дата обращения: 25.05.2016).

³⁶ Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. СПб., 1911. Т. 1. С. 681-682.

³⁷ Смолич И. К. История Русской Церкви: 1700-1917: В 2 ч. М., 1996-1997. URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/439961/> (дата обращения: 25.05.2016).

обеспечивал сохранение православия в его чистоте и цельности. Государь московский становился законным обладателем всех прав и обязанностей византийского царя. Следовательно, он был теперь тем «царем православным», без которого лишилась бы своей основы вся религиозно обусловленная система древнерусского мировоззрения. Византийское учение о симфонии оказалось вполне применимым к московским условиям. <...> В результате совершившейся тогда мыслительной работы была создана государственно-политическая концепция, просуществовавшая несколько столетий, которую не смогли до конца разрушить ни петровские реформы, ни следовавшая за ними европеизация. Ядро этой концепции — представление о будущем Московского государства, о «Москве — третьем Риме» — теория по преимуществу отнюдь не политическая, а скорее религиозно-мессианская»³⁸.

В рамках этой теории укрепилось и представление о праведном православном царе, заботящемся не только о материальном благополучии, но и о спасении душ своих подданных. Как отмечал Смолич, «царь чувствовал себя носителем не только государственно-политических, но и религиозно-этических обязательств»³⁹. Между светской и церковной власти установились близкие и доверительные отношения сотрудничества и поддержки. Профессор Петр Васильевич Знаменский в своей «Истории русской церкви» пишет об этом: «...храня и укрепляя юное государство, иерархия вовсе не старалась с помощью своего сильного влияния на князей добиться для себя независимости от светской власти и самостоятельной постановки в государстве, как этого добивались средневековые иерархи Римской церкви. Оставив отдаленный от сильных князей Киев, митрополиты сами стремятся под покров мирской власти во Владимир, потом в Москву и неуклонно стараются об утверждении общего мира и общего подчинения всех единому великому князю. Великие князья понимали, что для них

³⁸ Смолич И. К. История Русской Церкви: 1700-1917: В 2 ч. М., 1996-1997. URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/439961/> (дата обращения: 25.05.2016)

³⁹ Там же.

значили митрополиты, и оказывали им высокое уважение и полное доверие»⁴⁰.

Поддержку Церковью государства и отсутствие у неё притязаний на власть отмечал и С. Ф. Платонов: «Борьбы церковной и светской властей, знакомой Западу, Русь не знала (не было её, строго говоря, и при Никоне). Громадный нравственный авторитет московских патриархов не стремился заменить собой авторитет государственной власти, и если раздавался со стороны русского иерарха голос протеста <...>, то он не сходил никогда с нравственной почвы»⁴¹.

Таким образом, до Петра I сущность церковно-государственных отношений заключалась в тесном нравственном союзе между государством и церковью. Вмешательство государства в церковные дела представлялось закономерным и естественным, но не регламентировалось никакими законодательными нормами. Гарантом служило традиционное мировоззрение, сформированное в духе церковности и безусловно поддерживаемое каждым русским царем. В свою очередь, царь советовался с патриархом в делах государственной важности, митрополиты и патриархи обладали правом печалования, то есть возможностью высказывать главе государства свои опасения и сомнения — сотрудничество было действительно двусторонним, и в основе его лежал общий нравственный идеал.

1.2. Церковная реформа Петра I и её значение

В начале XVIII века царь всея Руси Петр I кардинально изменил систему управления Православной Российской Церковью, открыв новый период её истории, получивший название синодального. Власть патриарха сменило коллегиальное управление, и церковь оказалась встроенной в

⁴⁰ Знаменский П. В. История русской церкви. М., 2000. URL: http://www.orthedu.ru/books/znam_rpz/soderzan.htm (дата обращения: 15.05.2016).

⁴¹ Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. М, 2005. С. 568.

государственную машину. Это отвечало замыслам Петра о служении церкви интересам государства и ликвидировало угрозу появления сильного конкурента за самодержавную власть над подданными, которую Петр I, памятуя конфликт царя Алексея Михайловича с патриархом Никоном, видел в фигуре патриарха. И. К. Смолич весьма тонко улавливал идейные основания церковной реформы Петра: «Отныне и Церковь была обязана к государственной службе. В этом в сущности и заключался смысл включения ее коллегиальной верхушки — Святейшего Синода — в государственный аппарат управления. Церковь, служившая до тех пор Царству Небесному, должна была, по мысли Петра, служить теперь также и царству земному»⁴².

Реформа Петра, таким образом, подорвала форму церковно-государственных отношений, формировавшуюся на всем протяжении истории Русской Православной Церкви, и поставила её перед новыми реалиями — служением интересам государства.

Для нового коллегиального органа, Синода, Петр I и его правая рука в деле церковной реформы, киевский монах Феофан Прокопович (ставший благодаря царю епископом) разработали документ, вошедший в историю под названием «Духовный регламент». Именно этот законодательный акт определял правовой статус Церкви в России в течение синодального периода. Духовный регламент прописывал структуру и функции Святейшего Правительствующего Синода, регламентировал его состав и устанавливал сферу ответственности. Профессор Знаменский так определил настроение документа: «Характер его изложения весь проникнут духом современной борьбы реформы с противодействовавшими ей предубеждениями и явлениями, и потому отличается обличительным направлением, тенденциозностью, даже страстностью. О винах новой формы церковного управления в нем говорится, что коллегиальное управление, в сравнении с единоличным, может решать дела скорее и беспристрастнее, менее боится

⁴² Смолич И. К. История Русской Церкви: 1700-1917: В 2 ч. М., 1996-1997. URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/439961/> (дата обращения: 25.05.2016).

сильных персон и, как соборное, имеет больше авторитета, с другой стороны - менее опасно для государства, ибо простые люди, не зная различия между духовной и самодержавной властью и удивляемые славой и честью патриарха, считают его вторым государем...»⁴³. Как мы видим, Петр стремился исключить сосредоточение власти в одних руках, также своим регламентом он боролся с особым статусом и пиететом к епископам русской церкви. Следует отметить, что общей своей направленностью Духовный регламент обязан протестантским теориям о главенстве светской власти в делах церкви⁴⁴, что было вполне логично для ориентированного в своих реформах на запад Петра. Российский царь теперь законодательно был утвержден, как верховный охранитель правоверия и наделялся вполне реальной властью над Церковью, подобно германским протестантским князьям⁴⁵. Историк церкви А. В. Карташов отмечал, что рождённая в ходе петровской реформы «жестокая и стеснительная для церковной свободы система государственного давления на Церковь смягчалась лишь личным благочестием монархов и правительственной поддержкой внешнего престижа, чести Церкви и епископата»⁴⁶.

Нужно отметить, что, введя коллегиальное управление, Петр решил задачу, волновавшую его много лет: объявив, что Синод имеет «силу и власть патриаршую», он сохранил достоинство церкви и подчеркнул роль Синода в церковной жизни. При этом, как отмечал Платонов, «следует строго различать роль его в сфере церкви от роли в общей системе государственного управления. <...> Так, в церковных делах Синод вполне заменил патриарха. Но в сфере государственного управления Синод не вполне наследовал патриарший авторитет. <...> политическое значение Синода никогда не поднималось так высоко, как высоко стоял авторитет

⁴³ Знаменский П. В. История Русской Церкви. М., 2000. С. 199.

⁴⁴ Духовный регламент. Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/180687.html> (дата обращения: 22.05.2016).

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Карташов. А. В. Церковь и государство. Париж, 1932. С.11.

патриархов»⁴⁷. Именно реформа Петра Великого впоследствии привела к тому, что в XX веке входивший в состав Синода митрополит Евлогий горестно опишет его положение: «Приниженность Церкви, подчинённость её государственной власти чувствовалась в Синоде очень сильно. <...> Синод не имел лица, голоса подать не мог и подавать его отвык. Государственное начало заглушило всё. <...> Эта долгая вынужденная безгласность и подчинённость государству создали и в самом Синоде навыки, искони церковным началам православия не свойственные – решать дела в духе внешнего, формального церковного авторитета, непререкаемости своих иерархических постановлений»⁴⁸.

Возвращаясь к реформе Петра, приходится констатировать, что, будучи столь кардинальной, она не могла не вызвать критику среди всех слоев российского общества. Дискуссия вокруг влияния реформы на судьбу русской церкви не утихала в течение всего синодального периода и оказала существенное влияние на ход общественной полемики о церковно-государственных отношениях в начале XX-го века. В задачи нашего исследования не входит подробный анализ плюсов и минусов реформы Петра I, однако имеет смысл уловить общее направление критики и обозначить ряд важных для дальнейшего исследования моментов.

Основной претензией, которую предъявляло русское общество к церковным преобразованиям Петра Великого, был их секуляризационный характер, который плохо согласовывался с духом русского народа и подрывал веками складывавшийся общий духовный базис народа, церкви и государства. Вот как пишет об этом пламенный противник церковной реформы Петра протоирей Георгий Флоровский в своей книге «Пути русского богословия»: «... именно с Петра и начинается великий и подлинный русский раскол. Раскол не столько между правительством и народом (как то думали славянофилы), сколько между властью и Церковью.

⁴⁷ Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. М., 2005. С. 571-572.

⁴⁸ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогий (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 180-181.

Происходит некая поляризация душевного бытия России. Русская душа раздваивается и растягивается в напряжении между двумя средоточиями жизни, церковным и мирским. Петровская реформа означала сдвиг и даже надрыв в душевных глубинах. Изменяется самочувствие и самоопределение власти. Государственная власть самоутверждается в своем самодовлении, утверждает свою суверенную самодостаточность. И во имя этого своего первенства и суверенитета не только требует от Церкви повиновения и подчинения, но и стремится как-то вобрать и включить Церковь внутрь себя, ввести и включить ее в состав и в связь государственного строя и порядка. <...>. У Церкви не остается и не оставляется самостоятельного и независимого круга дел, – ибо государство все дела считает своими. И всего менее у Церкви остается власть, ибо государство чувствует и считает себя абсолютным. Именно в этом вбирании всего в себя государственной властью и состоит замысел того «полицейского государства», которое заводит и учреждает в России Петр. Полицейское государство» есть не только и даже не столько внешняя, сколько внутренняя реальность»⁴⁹.

Известный русский историк Н. М. Карамзин также считал, что подчинение церкви царской власти – это ошибка Петра, ведущая к потере и государственной, и церковной властью нравственного авторитета в глазах народа. В своей «Записке о древней и новой России...» историк замечал: «Со времен Петровых упало духовенство в России. <...>. Если государь председательствует там, где заседают главные сановники церкви, если он судит их или награждает мирскими почестями и выгодами, то церковь подчиняется мирской власти и теряет свой характер священный; усердие к ней слабеет, а с ним и вера, а с ослаблением веры государь лишается способа владеть сердцами народа...»⁵⁰.

⁴⁹ Флоровский Прот. Георгий. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 114.

⁵⁰ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 36.

В повороте церковной политики, совершенном царем, современниками и потомками усматривалось нарушение естественного хода вещей, разрыв вековых связей, отход от церковных канонов и источник глубинных проблем и противоречий. Далее мы увидим, как в начале XX-го века эта тема будет активно обсуждаться в ходе общественной дискуссии о церковном реформировании. Именно в этот период среди представителей церковной иерархии и общества зазвучат голоса о необходимости возврата к допетровской системе, восстановления патриаршества, неотложного созыва Собора, который положит конец подчиненному положению церкви.

Надо отметить некоторую утопичность идеи о возвращении к каноническому строю Православной Российской церкви, как панацеи от всех её болезней.

Во-первых, из патриаршего периода Русской православной церкви по наследству достался ряд проблем, которые нельзя считать детищем петровской реформы. Среди основных недостатков церковной жизни «досинодального» периода Смолич выделял необразованность приходского духовенства как следствие боязливости отношения Московской Руси к светскому образованию, и раскол старообрядчества⁵¹. Обе эти проблемы найдут своё отражение и в дискуссии о церковном реформировании в XX-м веке.

Во-вторых, созданная Петром Великим система развивалась в конкретных социально-исторических условиях: исторические реалии менялись, жизнь требовала от Церкви новых решений и подходов. Происходил численный рост населения, Россия превращалась в многоконфессиональное государство, трансформировалась сама структура общества. Всё это означало, что в синодальный период приходилось иметь дело с совсем другой паствой, а значит, должны были измениться и методы

⁵¹ Смолич И. К. История Русской Церкви: 1700-1917: В 2 ч. М., 1996-1997. URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/439961/> (дата обращения: 25.05.2016).

пастырской работы, миссионерской деятельности. Подробнее на этих вопросах мы остановимся в параграфе 2.4.

Нельзя также упускать из виду, что задуманный с целью ослабить влияние авторитета конкретной личности Синод со временем трансформировался, в частности, обер-прокурор из «стряпчего по делам государевым», обязанного во всем советоваться с коллегией, постепенно превратился во влиятельного чиновника, что окончательно было закреплено Николаем II, приравнявшего права обер-прокурора к правам министров.

Как отмечал по этому поводу Д. Поспеловский, «после целого века интеллектуальных и религиозных шатаний, задуманная Прокоповичем и Петром I синодальная система окончательно оформилась в эпоху Николая I как деспотическая диктатура гражданского чиновника-обер-прокурора над Синодом и духовенством вообще»⁵². Таким образом, трансформировалась сама идея Петра.

И наконец, отметим, что, несмотря на общественную критику нововведений Петра Великого в области церковного устройства, церковная власть всё же приняла эти нововведения, более того, система просуществовала более двухсот лет. Как тонко отмечал известный богослов прошлого столетия протопресвитер Александр Шмеман, церковная реформа Петра I «...создала для Русской Церкви совершенно новые условия жизни и Церковь приспособилась к ним. Это был компромисс «каноничности» с абсолютизмом, введенный в России Петром Великим»⁵³. Синодальный строй, по мнению церковного историка, «был «действителен» и Церковь не лишалась одного из своих «признаков», без которых она вообще перестает быть Православной Церковью. Но, признавая его «действительность», лучшие силы Русской Церкви не переставали обличать и разоблачать его, как

⁵² Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 19.

⁵³ Шмеман Александр, священник. Эпилог // Церковный вестник Западно-Европейского Православного Русского Экзархата. № 5 (38). Париж, 1952. С. 4.

именно компромисс, нарушающий и извращающий полную норму Церкви...»⁵⁴.

Итак, церковная реформа Петра раз и навсегда изменила структуру Церкви, на законодательном уровне сделав её частью государства. При этом Церковь продолжала поддерживать государство, ведь петербургские императоры в её глазах продолжали быть помазанниками божьими. Находим у Смолича: «Несмотря на то что государственная церковность, получившая свое окончательное выражение в Своде законов 1832 г., *de facto* и *de jure* отменила то положение вещей, какое существовало до Петра Великого, тем не менее государи и после Петра не хотели отказываться от религиозно-мистического смысла самодержавия. Для императорской власти сохранение и поддержание византийской традиции имело государственно-политическое значение как во внутренней, так и во внешней политике. Для российской церковной иерархии религиозный смысл императорской власти также был важен, ибо благодаря ему государственная церковность получала некоторое идейное оправдание и преодолевался разрыв между представлением о «господствующей» Церкви и ее реальным подчиненным положением»⁵⁵. Эту сакральную связь в России царской власти и православной Церкви обозначил в своей триаде «Православие, Самодержавие, Народность» разработчик идеологии официальной народности граф С. С. Уваров. На ней настаивал и сыгравший значительную роль в дискуссии о церковном реформировании обер-прокурор Константин Петрович Победоносцев, речь о котором пойдет ниже.

⁵⁴ Шмеман Александр, священник. Эпилог // Церковный вестник Западно-Европейского Православного Русского Экзархата. № 5 (38). Париж, 1952. С. 4.

⁵⁵ Смолич И. К. История Русской Церкви: 1700-1917: В 2 ч. М., 1996-1997. URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/439961/> (дата обращения: 25.05.2016).

1.3. Изменение роли обер-прокуратуры в течение синодального периода. Константин Петрович Победоносцев и зарождение дискуссии о церковном реформировании

Как мы уже отмечали, со времени Петра I роль института обер-прокуратуры трансформировалась от «ока государева и стряпчего по делам государственным», функции которого, как отмечал В. А. Федоров, сводились к тому, чтобы «наблюдать за ходом синодальных дел, замечать упущения, останавливать незаконные решения и доносить обо всем этом государю, сообщать государю о синодских решениях и быть как бы посредником между Синодом и государственной властью»⁵⁶, то есть, выражаясь современным языком, от задач менеджмента, к существенной власти в решении церковных вопросов, и влиянию, сопоставимому с министерскому.

Расширение прав обер-прокуратуры начало происходить уже при Александре I, когда эту должность занимал А. Н. Голицын, но де-юре новый статус обер-прокурора был закреплён при Николае I, во время обер-прокурорства Н. А. Протасова. В 1839-м году была осуществлена реформа структуры Святейшего Синода, сосредоточившая заведование всеми делами синодального ведомства в четырех преобразованных центральных учреждениях, над которыми начальствовал обер-прокурор. Святейший Синод уподобился министерству – исполнительному органу под властью одного могущественного чиновника⁵⁷. Смолич отмечал, что структурные преобразования Синода отвечали задачам внутренней политики Николая I, во времена которого «был образован новый централизованный аппарат управления, охвативший и Церковь. Полицейское государство с его бюрократической администрацией, обязанное своим возникновением реформам Петра I, приобрело окончательные формы при Николае I. Во время его царствования произошла полная бюрократизация всего аппарата

⁵⁶ Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700-1917). М., 2003. С. 13.

⁵⁷ Рудаков В. Е. Протасов, Николай Александрович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890—1907. Т. XXV. С. 506.

управления, не миновавшая и Церковь, что с точки зрения императора было не только естественно, но и необходимо»⁵⁸.

Подлинного могущества институт обер-прокуратуры достиг при Константине Петровиче Победоносцеве. На его фигуре хотелось бы остановиться подробнее, так как именно в годы нахождения этого человека на посту обер-прокурора (1880—1905 гг.) дискуссия о церкви начинает приобретать особую остроту.

Победоносцев был известен своим консервативным стилем управления. Он верил в Божий путь России и считал, что народ спасется не реформами и просвещением, а искренней верой. О значении православия для отношений между государственной властью и народом обер-прокурор высказывался так: «Доверие массы народа к правителям основано на вере, т. е. не только на единоверии народа с правительством, но и на простой уверенности в том, что правительство имеет веру и по вере действует. Поэтому даже язычники и магометане больше имеют доверия и уважения к такому правительству, которое стоит на твердых началах верования — какого бы то ни было, нежели к правительству, которое не признает своей веры и ко всем верованиям относится одинаково»⁵⁹. Победоносцев выступал категорически против либеральных свобод, в пользу которых всё чаще раздавались голоса в конце XIX столетия. Он был ярким врагом конституции и писал про неё в письме к Александру III: «самая страшная опасность, которую я предвижу для моего отечества и для Вашего Величества лично»⁶⁰.

Убежденный в том, что только жесткая рука власти может предотвратить надвигающуюся революцию, Победоносцев решительно выступал против реформирования Церкви. Современники отмечали ум и честность Константина Петровича, но обвиняли его в реакционности, узости взглядов, неспособности понять необходимость перемен для России в целом

⁵⁸ Смолич И. К. История Русской Церкви: 1700-1917: В 2 ч. М., 1996-1997. URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/439961/> (дата обращения: 25.05.2016).

⁵⁹ Победоносцев К. П. Московский сборник. СПб., 1901. С. 15.

⁶⁰ Письма Победоносцева к Александру III. С приложением писем к в. кн. Сергею Александровичу и Николаю II. М., 1926. С. 13.

и церкви в частности. Российский государственный деятель С. Ю. Витте писал о нём: «выдающегося образования и культуры человек, безусловно честный в своих помышлениях и личных амбициях, большого государственного ума, нигилистического по природе, отрицатель, критик, враг созидательного полета, на практике поклонник полицейского воздействия, так как другого рода воздействия требовали преобразования, а он их понимал умом, но боялся по чувству критики и отрицания, поэтому он усилил до кульминационного пункта полицейский режим в православной церкви»⁶¹. Журналист газеты «Новое время» Михаил Меншиков отмечал, что, несмотря искренний патриотизм Победоносцева, его политика потерпела крах: «Трудно указать пример государственного человека, более возвышенно настроенного и столь комически обманувшегося и обманувшего власть своей неумелой деятельностью! <...> Он умер, а люди, которых он выдвинул, остались. Отвратительные порядки остались. Банкротство веры осталось»⁶². Ещё резче оценивал фигуру обер-прокурора современный историк Д. В. Поспеловский: «По своему обскурантизму, реакционности и деспотичности Победоносцев, вероятно, побил все рекорды обер-прокуроров минувшего века»⁶³. Политические противники Константина Петровича отмечали, что он жил предчувствием катастрофы, революции, и всеми силами старался законсервировать традиционные начала и структуры, хотя эпоха требовала преобразований и свобод. В то же время, позицию Победоносцева не стоит сводить к политической слепоте и косности взглядов: будучи человеком большого ума и находясь на своём посту столь длительное время, он прекрасно сознавал опасности, связанные с дарованными свободами. Как отмечал С. Л. Фирсов, «Победоносцев лучше многих видел и понимал, что демонтаж петровской синодальной системы в российских условиях приведет не к воссозданию правильных взаимоотношений между Церковью и государством, а только усилит антиправительственные силы. <...> Вопрос о

⁶¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Том 2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С. 234-235.

⁶² Меншиков М. Расстройство церкви // Новое время. 1908 №11463. 9 февраля. С. 4.

⁶³ Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 22.

возвращении к допетровской соборности рассматривался прежде всего с точки зрения государственной стабильности и потому получал однозначный отрицательный ответ»⁶⁴. Как показала жизнь, опасения прокурора насчёт перспектив церковного реформирования в нестабильное время, а также предчувствие надвигающейся революции не были напрасны.

1.4. Дискуссия о свободе совести в начале XX века

Введение в стране конституционной монархии и признание прав других вероисповеданий предваряла обширная общественная дискуссия о свободе совести. Уже со времени «Великих реформ» императора Александра II среди русских либеральных публицистов и правоведов раздавались голоса о том, что религиозное законодательство о «религиозных посягательствах» на привилегии Православной Российской Церкви отстало от западноевропейской практики и требует изменений⁶⁵. Главную претензию к законодательству вызывали нормы в отношении «раскольников»: старообрядцев и сектантов⁶⁶. Как отмечал К. К. Арсеньев, вопрос о религиозной свободе в стране активно обсуждался уже с конца XIX века, и постепенно определились три основные точки зрения⁶⁷. Согласно первой, официальной, в России не существовало стеснений в вопросах верований, «симфония» церковной и государственной властей была необходима и органична, реформы церковно-государственных отношений не требовались. Как писал М. И. Одинцов, «показательно высказывание обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, который еще в 1888 г. в ответ на адрес евангельского Союза с просьбой к императору «разрешить религиозную свободу» заявил, что в России, как нигде, различные исповедания пользуются широкой свободой, а законы, ограждающие господствующее в России исповедание, необходимы, так как это

⁶⁴ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 47-48.

⁶⁵ Кистяковский А. О преступлениях против веры // Наблюдатель. 1882. № 10. С. 102.

⁶⁶ Градовский А. Д. Начала русского государственного права. Т. 1. СПб., 1875. С. 373 –374.

⁶⁷ Арсеньев К. К. Свобода совести и веротерпимость. СПб., 1905., С. 12.

«важнейший исторический долг России, потребность жизни ее»⁶⁸. Согласно второй точке зрения, которой придерживалось православное духовенство с либеральными взглядами, стеснения представителей других вер признавались, но считалось, что это необходимо ради блага православных⁶⁹.

И наконец, третий взгляд на проблему, исповедуемый либералами и социал-демократами, заключался в отрицании наличия в стране свободы совести в принципе. Одинцов отмечал: «Наследуя во многом идущую с XIX столетия традицию видеть в Церкви и духовенстве «только полицейский институт подавления народных чаяний и поддержания самодержавия», они рассматривали союз Церкви с государством как проявление «реакционности» и «антинародности» церковного института, отказывая ему в общественной поддержке»⁷⁰.

В начале прошлого века в стране общественные дискуссии, посвященные вопросам свободы веры, шли особенно активно. 18-24 сентября 1901-го года в Орле проходил миссионерский съезд Русской Православной Церкви. На нём представители церкви и общества обсуждали распространение ересей, их корни и возможные пути устранения, возвращение сектантов и раскольников в лоно православной церкви. Был поднят и вопрос о свободе совести – эту тему затронул выдающийся либеральный политик и общественный деятель Михаил Александрович Стахович. Отметив важность и глубину оценки признанными авторитетами Церкви лжеучений и причин их возникновения, Стахович высказал свою основную претензию съезду: ни разу за всю его программу не было произнесено «вековое слово: свобода совести»⁷¹. В своей речи политик

⁶⁸ Одинцов М. И. Вероисповедные реформы в государственной думе (1906-1917 гг.): надежды, дискуссии и исторические уроки. // Российское объединение исследователей религии. URL: <http://rusoir.ru/president/president-works/president-works-199/> (дата обращения: 25.05.2016).

⁶⁹ Одинцов М. И. Вероисповедные реформы в государственной думе (1906-1917 гг.): надежды, дискуссии и исторические уроки. // Российское объединение исследователей религии. URL: <http://rusoir.ru/president/president-works/president-works-199/> (дата обращения: 25.05.2016).

⁷⁰ Одинцов М. И. Вероисповедные реформы в государственной думе (1906-1917 гг.): надежды, дискуссии и исторические уроки. // Российское объединение исследователей религии. URL: <http://rusoir.ru/president/president-works/president-works-199/> (дата обращения: 25.05.2016)..

⁷¹ Орловский мудрец, опередивший время: Сборник научных статей. / Под ред. А.А. Кара-Мурзы. Орел, 2011. С. 186.

объяснял необходимость отказа от всякого принуждения в области религиозного самоопределения человека: «Меня спросят: – Чего же Вы хотите? Разрешения не только безнаказанного отпадения от православия, но и права безнаказанного исповедания своей веры, т.е. совращая других? Это подразумевается под свободой совести? Особенно уверенно среди вас, миссионеров, я отвечу: да. Только это называется свободой совести. Только при этом может жить и действовать, спасать и спасаться, вера истинная и неистинная, обращаемая и обращающая. Запретным пусть будет не вера, а дела; не чувство, а поступки, ущербы...»⁷² Речь Михаила Стаховича всколыхнула умы современников. С. М. Волконский в своих мемуарах вспоминал, что выступление спровоцировало настоящую бурю обсуждений, которая утихла лишь спустя два месяца, прекращённая цензурными распоряжениями⁷³. После речи Стаховича «призыв к упразднению важнейших привилегий православия как необходимого условия введения в России свободы совести стал политическим лозунгом либеральной оппозиции»⁷⁴.

В то время как либералы были вдохновлены выступлением Стаховича, консерваторы и представители Церкви отреагировали на него очень остро. Иоанн Кронштадтский крайне негативно отнесся к речи Стаховича, назвав его хулителем веры, дерзнувшем «покосить учение нашей святой веры и нашей церкви, требуя свободного перехода из нашей веры и церкви в какие угодно веры»⁷⁵. Иоанн Кронштадтский, исходя из идеи изначальной греховности и духовной слабости человека, выступал категорически против дарования последнему свободы совести. В правой печати выступление М. А. Стаховича спровоцировало резкую негативную реакцию. Читаем в «Московских ведомостях»: «Г. Стахович – или рехнувшийся человек, или

⁷² Орловский мудрец, опередивший время: Сборник научных статей. / Под ред. А.А. Кара-Мурзы. Орел, 2011. С. 191.

⁷³ Волконский С. М. Мои воспоминания. М. 1992. Т.2. С. 92.

⁷⁴ Бендин А. Ю. Свобода совести или веротерпимость? К вопросу о полемике в российской печати в начале XX столетия // [Новый исторический вестник](#). № 24. 2010. С. 9.

⁷⁵ Волконский С. М. Мои воспоминания. М. 1992. Т.2. С. 110.

человек, одаренный проницательностью, предчувствующий, что близок конец старой православной и царской России, на смену которой надвигается гроза второго издания, в русском переводе, французской революции 93-го года. О, тогда, с вашей точки зрения, вы дальновидны, г. Стахович, и место российского Дантона или Робеспьера – за вами»⁷⁶.

Вопрос свободы совести начал серьёзно разрабатываться на государственном уровне в 1902-м году, когда по указу царя Министерство Внутренних Дел запустила работу над Манифестом, должным преобразовать внутреннюю политику государства. Существенная роль отводилась изменениям в церковной политике государства. В текст закона предполагали включить статью о свободе совести, однако этого тогда так и не произошло⁷⁷.

Пока на государственном уровне делались осторожные шаги к закону о свободе вероисповедания, в обществе шли оживленные дискуссии на эту тему. Значимым витком общественного обсуждения свободы совести в начале XX-го века стали религиозно-философские собрания. Впервые российская интеллигенция, традиционно воспринимаемая как носительница атеистического начала, предприняла попытку сближения с Церковью для совместного обсуждения путей возрождения последней. С. Л. Фирсов отмечал: «Нельзя не признать, что интерес к религии и Церкви был вызван социально-психологическим кризисом, охватившим многих думающих и ищущих людей того времени»⁷⁸.

Религиозно-философские собрания проходили в Петербурге с ноября 1901-го по апрель 1903-го года. На них для обсуждения духовного пути России собирались религиозные мыслители, литераторы и церковные деятели. Инициаторами и постоянными участниками встреч были В. А. Тернавцев, Д. С. Мережковский, Д. В. Filosofov, З. П. Гиппиус,

⁷⁶ Московские Ведомости. 1901. № 269.

⁷⁷ Законодательные акты переходного времени. 1904–1906 гг. СПб., 1907. С. 7.

⁷⁸ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х - 1918 гг.). М., 2002. С. 101.

В. В. Розанов, А. Н. Бенуа, В. С. Миροлюбов⁷⁹. Со стороны церкви активное участие принимали епископ Сергей (Страгородский), архимандрит Антонин (Грановский), иеромонах Михаил (Семенов) и др. Всего прошло 22 заседания, материалы по 20 из них были опубликованы в журнале «Новый путь»⁸⁰. Основное обсуждение свободы совести развернулось на заседаниях 7-9. В основу постановки вопроса легла дискуссия о двух пониманиях понятия «свобода совести»: либеральном, сущностном, и формальном, акцентирующим «историческую и социокультурную обусловленность свободы»⁸¹.

Религиозно-философские собрания имели большое значение для обсуждения вопроса свободы совести в России и предварили религиозно-философскую дискуссию последующих лет. Как писал Н. А. Бердяев, собрания «были замечательны как первая встреча представителей русской культуры и литературы, заболевшей религиозным беспокойством, с представителями традиционной православной церковной иерархии»⁸². Д. В. Поспеловский отмечал: «Быть может, именно на этих собраниях светское общество — вернее, лучшие его представители — наконец начало понимать разницу между Церковью, с одной стороны, и государственным аппаратом, пленившим ее, — с другой. Понимание уже этой одной проблемы перекинуло мост через пропасть, разделявшую светское общество и Церковь»⁸³.

Несмотря на то, что Победоносцеву удалось закрыть религиозно-философские собрания, начало диалогу было положено, и в революционном 1905-м году из недр самой церкви, вопреки надеждам Победоносцева на

⁷⁹ Винарова М. Религиозно-философские собрания: русская интеллигенция в поисках истины. // Православие.ru. URL: <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/60013.htm> (дата обращения: 15.07.2015)

⁸⁰ Испытание свободой: божий дар или дьявольское искушение? // Газета «Кифа». URL: <http://gazetakifa.ru/content/view/3918/65/> (дата обращения: 15.07.2015).

⁸¹ Иг. Новик Венеамин. Проблематика спора о «свободе совести» на Религиозно- философских собраниях в Санкт-Петербурге (1901-1903). Доклад на юбилейной конференции (14-15 дек. 2001, СПб, Музей истории религии, С-Петербургский Университет, филос. ф-т) URL: http://www.vehi.net/politika/novik.html#_ftn3 (дата обращения: 15.07.2015).

⁸² Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1990. С. 134.

⁸³ Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. С. 24.

консервативную поддержку своего епископата, зазвучали голоса о церковном реформировании.

1.5. 1905-й год: законодательный поворот в сфере церковно-государственных отношений

1905-й стал поворотным годом не только для русской государственности, но и для дискуссии о церковном реформировании. Религиозно-философские собрания стимулировали общественность заговорить о проблемах Церкви, и уже 12 декабря 1904-го года в указе «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» была, наконец, озвучена необходимость расширения прав вероисповеданий и отказа от религиозных стеснений. Шестой пункт указа гласил: «Для закрепления выраженного нами в Манифесте 26 февраля 1903 г. неуклонного душевного желания охранять освященную Основными Законами Империи терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно и лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения»⁸⁴. Под влиянием возрастающих оппозиционных настроений и набирающей всё большую остроту общественной дискуссии царь, казалось, признал необходимость отвечающей современным реалиям либерализации церковной жизни.

Победоносцев, обеспокоенный общественным настроением, летом 1905-го года предпринял попытку отстоять синодальную систему, обратившись за помощью к епископату. Архиереям Русской Православной Церкви предложили отправить в Синод записки о её текущем положении и преобразованиях, в которых она нуждалась⁸⁵. Архиереи откликнулись на это предложение, однако ответили совсем не так, как ожидал обер-прокурор.

⁸⁴ Историческая переписка о судьбах православной церкви. М., 1912. С. 26-31.

⁸⁵ *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 25.

Записки показали, что епископат стремился изменить прежние формы церковно-государственных отношений и восстановить канонический церковный строй, сохранив при этом первенство и господство Православной Российской Церкви⁸⁶. «Отзывы епархиальных архиереев», как отмечал Пospelовский, «показали, что дух православия и православно-церковного мышления никогда не угасал в Церкви, несмотря на все искажения, насаждавшиеся сверху, и внешнюю подчиненность епископата существующей системе. Записки эти были полным поражением Победоносцева и всей его “идеологии”»⁸⁷. Отзывы — это важнейший источник для понимания того, как в православном сообществе, традиционно консервативном, родилось и развилось движение за церковную реформу. По сути, это была первая официально разрешенная, более того, простимулированная властью попытка российского епископата высказаться о наболевшем. И, как мы видим из документа, молчавшие столь длительное время архиереи были инертны скорее не по внутреннему убеждению, но в соответствии с подчиненным своим положением, не позволявшим реально повлиять на церковно-государственные отношения. Как отмечает во введении к современному изданию Записок коллектив авторов, «высказанный в большинстве «Отзывов» решительный отказ епископов поддержать синодальный строй стал для многих современников неожиданностью — ведь именно епископат являлся самой привилегированной и консервативной частью духовенства, неизменно выступавшей за тесную связь Церкви с государством»⁸⁸.

Итак, православному епископату было предложено высказаться по ряду ключевых вопросов церковной жизни: о необходимости проведения и составе грядущего поместного Собора, об общем преобразовании церковного управления и разделении страны на церковные округа, о реформировании

⁸⁶ *Фирсов С. Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 3.

⁸⁷ *Пospelовский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 25-26.

⁸⁸ *Протоирей В. Чаплин, Д. В. Пospelовский, В. ван дер Беркен и др.* Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Часть Первая. М., 2004. С. 4.

церковного суда, о состоянии и перспективах возрождения прихода, о духовно-учебных заведениях, о епархиальных съездах и т.д. Отзывы архиереев показали, что большинство из них стремились ослабить зависимость Церкви от государства, созвать Собор и восстановить патриаршество. Хочется особо отметить, согласившись с коллективом авторов вышеупомянутого издания, что «суть реформы, как представляли ее себе наиболее выдающиеся церковные деятели рубежа XIX–XX столетий, состояла не в искусственной реставрации архаичного допетровского церковного строя, а в восстановлении соборности церковного управления»⁸⁹. Между тем, в стремлении епископата ослабить зависимость от государства и получить самостоятельность в делах церковного управления, сохранив при этом привилегированное положение и государственную поддержку, просматривается очевидное противоречие. Как писал Фирсов, «трагическое недоразумение заключалось в том, что надежда на государственную опеку воспринималась как норма, хотя государственный контроль, осуществлявшийся синодальной обер-прокуратурой, представлялся аномалией»⁹⁰. И хотя голос общественности в начале XX-го века звучал именно в пользу отдаления, а не полного отделения церкви от государства, ни у кого не было полной ясности, как это можно воплотить на русской почве. Победоносцев, в отличие от многих, прекрасно осознавал, что настоящая свобода Церкви была возможна только в случае превращения России в светское государство, чего, разумеется, не могла допустить имперская власть⁹¹.

Итак, мнения архиереев Православной Российской Церкви насчет её будущего стали идейным поражением К. П. Победоносцева и предварили его уход с политической сцены (непосредственно в отставку Победоносцев

⁸⁹ Протоиерей В. Чаплин, Д. В. Поспеловский, В. ван дер Беркен и др. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Часть Первая. М., 2004. С. 6.

⁹⁰ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 52.

⁹¹ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 48.

подал сразу после Высочайшего Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка», к рассмотрению которого мы обратимся ниже).

Ещё одним важным событием, произошедшим в жизни церкви в 1905-м году, стала записка 32-х петербургских священников, впоследствии получивших известность как Союз церковного обновления. Это были молодые столичные клирики, знавшие о государственной подготовке церковных реформ и участии в ней петербургского митрополита Антония Вадковского. Получив благословение митрополита на обсуждение церковных вопросов, они решили подготовить несколько записок по злободневным темам церковной жизни. 15 марта 1905-го года была представлена записка «О неотложности восстановления канонической свободы Православной Церкви в России». Митрополит Антоний, сам принимавший активное участие в разработке церковной реформы и стоявший за Собор, разрешил записку к печати в «Церковном вестнике» (она была опубликована под более нейтральным заголовком «О необходимости перемен в русском церковном управлении»). Основным посылом записки явилась необходимость скорейшего созыва Поместного Собора. Цитирую: «... по условиям настоящего времени, для православной церкви неотложна необходимость получить исконную каноническую свободу. Но чтобы возвратить эту свободу, она должна восстановить в полноте и неприкосновенности каноническое церковное устройство, воспринятое по преданию апостольскому, от которого она не должна была и не может отступать. На вопрос — как же достигнуть великой и святой цели восстановления канонической свободы православной церкви в России, — ответ, по нашему глубокому убеждению, может быть только один: чрез нарочито для сего созванный поместный собор русской церкви»⁹². Как мы видим, священники-обновленцы разделяли идею спасительного Собора, призванного стать панацеей от всех церковных проблем. Определенную наивность данной позиции уже приходилось отмечать. Тем не менее, после

⁹² О необходимости перемен в русском церковном управлении. Церковный вестник. 1905. 17 марта. № 11.

своей публикации записка получила широкую известность и спровоцировала активное обсуждение в прессе церковных вопросов⁹³.

Пока в обществе шла дискуссия о церковном реформировании и изменении сущностных черт взаимодействия между государством и Церковью, велась подготовка к решению данных вопросов и на государственном уровне. Основным фактором, подтолкнувшим властей к этой работе и обусловившим её характер, стала революционная обстановка в стране. Имеет смысл обозначить фон, на котором происходило решение вопроса на государственном уровне, и обратиться к важнейшим законодательным актам 1905-го года: указу о 17 (30) апреля «Об укреплении начал веротерпимости» и Высочайшему Манифесту «Об усовершенствовании государственного порядка», проанализировав значение данных документов для церковно-государственных отношений.

24 августа князь Петр Дмитриевич Святополк-Мирский занял должность министра внутренних дел Российской империи (на которой, впрочем, он пробыл недолго: князь был уволен в начале революционного 1905-го года). Назначение Святополка-Мирского, выступавшего против полицейских мер и репрессивной политики В. К. Плеве, было позитивно встречено либеральной общественностью. Короткое правление князя называли «эпохой доверия» и даже «весной русской жизни». Став министром, Петр Дмитриевич дал понять императору, что выступает за идеалы веротерпимости и свободы совести. Энергично взявшись за преобразования внутреннего строя империи, Святополк-Мирский подготовил проект указа, 12 декабря 1904-го года подписанного государем при содействии председателя комитета министров С.Ю. Витте⁹⁴.

12 декабря 1904-го года в указе «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» была, наконец, озвучена необходимость расширения прав вероисповеданий и отказа от религиозных

⁹³ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 319-320.

⁹⁴ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 148-150.

стеснений. Шестой пункт указа гласил: «Для закрепления выраженного нами в Манифесте 26 февраля 1903 г. неуклонного душевного желания охранять освященную Основными Законами Империи терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно и лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения»⁹⁵. И хотя Указ прямо не затрагивал прав Русской Православной Церкви, было очевидно, что изменение статуса старообрядцев и лиц, не принадлежащих к господствующей Церкви, неизбежно затронет её права и интересы.

На преобразования, готовящиеся властями, живо откликнулся митрополит Петербургский Антоний Вадковский. В своей записке «Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви», поданной государю в феврале 1905-го года, владыка выразил свой взгляд на готовящиеся реформы и справедливо поднял вопрос об опасностях, которые ждут Православную Русскую Церковь в случае дарования свобод другим вероисповеданием. Митрополит отметил, что свобода совести поставит конфессии империи в более выгодное положение, чем то, в котором находится скованная государственной опекой Православная церковь⁹⁶. Религиозные объединения империи получают возможность устраивать свою внутреннюю жизнь по собственному усмотрению, в то время как господствующая конфессия по-прежнему не сможет эффективно решать свои проблемы, находясь под жестким контролем государства⁹⁷. Митрополит не выступал против свободы совести, но считал, что введение веротерпимости ставит ребром вопрос о расширении прав и свобод Православной Русской Церкви. Владыка соглашался с необходимостью Проведения Поместного Собора, на котором представители духовенства с привлечением

⁹⁵ Историческая переписка о судьбах православной церкви. М., 1912. С. 26-31.

⁹⁶ Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 25.

⁹⁷ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 152-153.

ограниченного числа мирян смогли бы самостоятельно, без государственного участия выработать план обновления церковной жизни.

Ещё одним чаянием митрополита было воссоздание системы самоуправления прихода, согласно которой приход стал бы юридическим лицом и смог, таким образом, владеть собственностью. Как отмечал Пospelов, «митрополит Антоний хотел по меньшей мере освободить Церковь от опеки и власти обер-прокурора и установить между Церковью и правительством каналы прямой связи — как между двумя договаривающимися и сотрудничающими юридическими лицами»⁹⁸.

Говоря о проблеме свободы совести, важно понимать, что Православная Российская Церковь (включая её прогрессивно настроенных иерархов) смотрела на неё совершенно с другого ракурса, нежели либеральная общественность. Как отмечает белорусский историк Александр Бендин, «церковные публицисты и богословы использовали принципиально иной дискурс», рассматривая проект введения свободы вероисповедания не с точки зрения права, а с точки зрения богословской. Соответственно, и оценка проекта шла в контексте социальных, политических и духовных последствий его применения в России⁹⁹.

Примерно в тот же период, что появилась записка митрополита Антония, борьбу за будущее дела церковного реформирования вели председатель комитета министров Сергей Юльевич Витте, ратовавший за обширные преобразования, и Константин Петрович Победоносцев, предпринимавший последние отчаянные попытки спасти государство и церковь от надвигавшихся реформ, в которых он видел катастрофу для России. Полемика Витте и Победоносцева показательна, как пример борьбы консервативной и либеральной позиций по вопросам преобразований в церковной сфере.

⁹⁸ Пospelовский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 25.

⁹⁹ Бендин А. Ю. Свобода совести или веротерпимость? К вопросу о полемике в российской печати в начале XX столетия // Портал Западная Русь. 19.07.2012 . URL: <http://zapadrus.su/rusmir/istf/719-xx-163.html> (дата обращения: 20.04.2016).

В феврале 1905-го года за подписью председателя Комитета министров вышла записка «О современном положении Православной Церкви», в которой поднимались всё те же темы: зависимость церкви от государства, неканоничность церковного управления, упадок прихода и т.д. Как и в записке митрополита Антония, Поместный Собор предлагался в качестве пути для решения церковных проблем¹⁰⁰. Фирсов отмечал, что «в записке С. Ю. Витте вопрос ставился не о частных изменениях, а об общей церковной реформе, которая привела бы к усилению самостоятельности Православной Церкви и резко уменьшила бы полномочия обер-прокурорской власти»¹⁰¹.

Победоносцев отреагировал на активность Витте и попытался предостеречь государя от иницилируемых председателем Комитета министров преобразований. Ответил Константин Петрович уже своей запиской, получившей название «Соображения статс-секретаря Победоносцева по вопросам о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви», в которой он защищал петровские реформы и отрицал назревшую потребность в проведении Поместного Собора — его роль, по мнению обер-прокурора, успешно исполнял на постоянных основаниях Святейший Синод¹⁰². Несмотря на то, что Победоносцеву удалось получить добро Николая II на перевод вопроса о церковных преобразованиях из ведения Комитета Министров в ведение Святейшего Синода, Витте, прибегнув к помощи петербургских богословов, конструктивно и жестко раскритиковал записку Константина Петровича. После этого Синод также не поддержал обер-прокурора, высказавшись в пользу проведения Собора и выразив готовность способствовать церковной реформе¹⁰³. Тем не менее, Победоносцеву удалось убедить царя начертать на докладе Святейшего Синода резолюцию, откладывающую проведение Поместного Собора.

¹⁰⁰ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 151-152.

¹⁰¹ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 152.

¹⁰² Переписка С. Ю. Витте и К. П. Победоносцева (1895-1905) // Красный архив. 1928. Т. 5 (30). С. 108-114.

¹⁰³ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 154- 164.

Фирсов назвал это последней крупной победой обер-прокурора¹⁰⁴. Общество настоятельно требовало церковных реформ и восстановления канонического строя.

17 (30) апреля 1905 г., был опубликован указ императора Николая II «Об укреплении начал веротерпимости», установивший в России ограниченную свободу вероисповеданий, то есть свободу выбора религии и отправления религиозных обрядов. Закон благоприятно сказался на старообрядцах и части сектантов, укреплении правового статуса их общин, также были расширены права инославных конфессий. Однако полноценная свобода вероисповедания указом установлена не была: разумеется, Православная Церковь по-прежнему обладала рядом существенных привилегий, не была обозначена возможность атеистического состояния граждан, правовое положение иудаизма так и не было урегулировано¹⁰⁵. Многие положения, прямо или косвенно противоречащие понятию «свобода совести», были сохранены. Как отмечает исследователь А. Комаров, «...не были отменены статьи уголовного законодательства, предусматривающие наказания за различные “богохульства”, под которые можно было всегда подвести учения и проповеди, различных не согласных с православием религиозных учений, отвергающих те или иные специфические верования православия»¹⁰⁶, то есть закон оставлял много лазеек для его недобросовестного исполнителя.

Закон был далёк не только от современных определений свободы совести, но и от западной законодательной практики начала прошлого столетия. Либеральная общественность критиковала это несовершенство. Правовед М. А. Рейснер отмечал: «Русская веротерпимость даже после указа 17 апреля далеко еще не является свободой совести. Этот указ <...> не

¹⁰⁴ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 171.

¹⁰⁵ Сафонов А. А. Указ 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» в контексте формирования института свободы совести в законодательстве Российской империи URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/68005160> (дата обращения: 25.05.2016).

¹⁰⁶ Комаров А. Свобода совести в системе взаимоотношений религиозных организаций и государства в России (1918-1990) URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=3328> (дата обращения: 20.04.2016).

предоставляет каждому возможность верить в то, во что он хочет <...>. Закон 17 апреля есть <...> только норма, расширяющая привилегии инославных и частью иноверных исповеданий»¹⁰⁷. С. П. Мельгунов (позицию которого мы ещё будем подробно рассматривать, анализируя его статьи по церковной тематике на страницах «Русских ведомостей»), отмечал, что для установления в стране свободы совести есть два существенных препятствия: российская правоприменительная практика, носящая репрессивно-полицейский характер, и господствующее положение Православной Российской Церкви, стремящейся к сохранению государственного контроля над духовным определением русских людей¹⁰⁸. Естественно, любая государственная попытка реформирования церковно-государственных отношений натывалась на вопрос о статусе Православной российской церкви. Власти оказывались в затруднительном положении: с одной стороны, учитывая многовековую глубинную связь государства и Церкви, необходимо было сохранить первенство главной имперской конфессии, с другой стороны, данное первенство подразумевало привилегию пропаганды веры, что не сочеталось с принципами свободы совести¹⁰⁹. Упомянутое выше либеральное движение с его лозунгом «свободная церковь – в свободном государстве» планировало решить эти противоречия радикально, не беря в учет традиционность церковно-государственного союза в России и всеобъемлющее проникновение православия в политическую, социальную и духовную жизнь страны. Решая вопрос в правовом поле и игнорируя ряд культурно-исторических факторов, либеральная оппозиция настаивала на полном отделении Церкви от государства в рамках процесса превращения самодержавной империи в светское правовое государство. Как отмечает А. Ю. Бендин, «речь шла об очищении светского законодательства от канонического наследия так называемого «византизма», который

¹⁰⁷ Рейснер М. А. Государство и верующая личность. СПб., 1905. С. 404-405, 416.

¹⁰⁸ Мельгунов С. П. Церковь и государство в России (к вопросу о свободе совести). М., 1907. Вып. 1. С. 90, 93-94.

¹⁰⁹ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х - 1918 гг.). М., 2002. С. 51-52.

либеральные правоведы интерпретировали как претензию православия быть единой истинной верой...»¹¹⁰. Следует четко понимать эту разницу между позицией либералов и чаяниями представителей Соборного движения в Русской церкви, выступавших за церковные преобразования в духе восстановления соборных принципов и возвращение к «симфонии властей», унаследованной Московским царством от Византии¹¹¹.

17 (30) октября 1905-го года Высочайший Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» установил в России конституционную монархию, отдав часть законодательных прав в руки Государственной Думе и наделив население империи гражданскими свободами. Ключевой предпосылкой для изменения государственного строя страны стала охватившая её всероссийская политическая стачка. Победоносцев вышел в отставку, а премьер-министром был назначен С. Ю. Витте, показавший ранее свою готовность к диалогу о будущем Православной Церкви.

Среди «незыблемых основ гражданской свободы», дарованных властью населению, была и свобода совести. Перемены ставили ребром вопрос о каноническом строе церковного управления и внутреннем реформировании Церкви, которая должна была быть внутренне сильной и проявит гибкость, чтобы адаптироваться к новым условиям. Просвещенным современникам было ясно, что единственный путь для Церкви – это не проникнутое духом ретроградства сопротивление новым реалиям, а внутреннее оздоровление церковного организма, обширное внутрицерковное реформирование с учётом современных вызовов. Как уже отмечалось, суть предполагаемых изменений рассматривалась в плоскости отдаления церкви от государства: церковные деятели начала XX-го века были далеки от идеи полного их отделения. Как

¹¹⁰ Русское богословие в европейском контексте. С. Н. Булгаков и западная религиозно-философская мысль: Сб. статей под ред. В. Порус . М., 2006. URL: http://bookz.ru/authors/sbornik-statei/russkoe-_147/page-8-russkoe-_147.html (дата обращения: 06.03.2016).

¹¹¹ Русское богословие в европейском контексте. С. Н. Булгаков и западная религиозно-философская мысль: Сб. статей под ред. В. Порус . М., 2006. URL: http://bookz.ru/authors/sbornik-statei/russkoe-_147/page-8-russkoe-_147.html (дата обращения: 06.03.2016).

писал Федоров, «требуя большей самостоятельности Православной Церкви, ее представители выступали за сохранение её государственного значения»¹¹². Таким образом, Церковь хотела сохранить привилегированное положение, но при этом добиться большей самостоятельности в решении внутренних проблем.

Казалось, император готов идти к ней в этом навстречу. 27 декабря 1905-го года Николай II счёл, что благоприятное время для церковного обновления настало, и подписал обращение к первоприсутствующему члену Святейшего Синода митрополиту Антонию, в котором призвал владыку определить, когда он будет проведён. Святейший Синод оперативно отреагировал на обращение императора: было решено создать Предсоборное Присутствие. Основными его целями было установление повестки грядущего Собора и предварительное обсуждение важнейших вопросов: предполагалось проделать, как отмечал наш современник, прот. Георгий Митрофанов, «очень сложную, очень важную подготовительную богословскую и каноническую работу»¹¹³. Несмотря на то, что Собор так и не был созван, работа Предсоборного Присутствия стала важным этапом в деле церковного обновления начала XX-го века и отразила взгляд современников на сущность и перспективы церковно-государственных отношений данного периода. В связи со значимостью работы Предсоборного Присутствия для общественной дискуссии о реформировании Православной Российской Церкви, остановимся на этой деятельности подробнее.

К участию в Предсоборном Присутствии были приглашены архиереи, священники, профессора духовных Академий, а впоследствии и некоторые светские ученые и общественные деятели, известные своей религиозностью и положительным отношением к делу церковной реформы (Н. Аксаков, ген. А. Киреев, А. Папков, Д. Самарин, Д. Хомяков и др.). Состав Присутствия

¹¹² Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700-1917). М., 2003. С. 250.

¹¹³ Прот. Митрофанов Георгий. История Русской Православной Церкви (1900–1927). URL: <http://predanie.ru/mitrofanov-georgiy-protoierey/book/79408-istoriya-russkoy-pravoslavnoy-cerkvi-1900-1927/> (дата обращения: 17.05.2015).

критиковался как приверженцами идеи восстановления соборности, не удовлетворенных фактом назначения «сверху» его участников, так и сторонниками консервативной линии, которым не нравилось участие в коллегиальном органе светских лиц. Впрочем, решающее значение здесь имел сам факт сбора Присутствия, как первой за весь синодальный период масштабной, одобренной государством попытки обсудить созыв Поместного Собора Русской Церкви¹¹⁴.

Предсоборное Присутствие состояло из семи отделов, направления деятельности которых соответствовали ключевым векторам церковного реформирования. Первый отдел занимался подготовкой предстоящего Собора, его составом, повесткой и регламентом проведения. Второй отдел был посвящен разделению России на митрополичьи округа и реформам местного церковного управления. Требовалось решить проблему с перемещением архиереев с кафедры на кафедру и наделить большими полномочиями архиереев крупных центров, разгрузив таким образом Синод от дел, которые могли бы рассматриваться в церковном округе. Третий отдел занимался церковным судом и пересмотром законов о браке. Четвертый отдел занимался реформированием прихода и церковно-приходскими школами, пятый – духовным образованием, шестой и седьмой отделы обсуждали политику церкви в новых условиях: шестой занимался делами веры (единоверцы, старообрядцы и т.д.), а перед седьмым стояла задача укрепления православия и ограждения его от различных «неправых» учений и толков в условиях веротерпимости¹¹⁵.

Наибольший интерес для нашего исследования представляет деятельность первого отдела, должного разрешить непростой вопрос о взаимоотношениях светской и церковной властей. Предсоборное Присутствие проявило себя крайне осторожно в этой щекотливой теме и попыталось совместить большую свободу для Церкви с особой ролью и

¹¹⁴ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 217-219.

¹¹⁵ Смолич И. К. Предсоборное присутствие 1906 года // Журнал “Путь”. № 38. С. 71.

покровительством Императора. «Церковь должна была управляться «свободно», но под императорской защитой. Собственно говоря, император мыслился как политический инициатор церковных начинаний, без которого нельзя было созвать Собор, придать законность его решениям, легализовать избрание патриарха», — комментировал идею членов Присутствия Фирсов¹¹⁶. Рассматриваемый нами ранее исторический принцип, доставшийся в наследство от Византии и легший в основу церковно-государственных отношений в России, стремились сохранить, при этом ослабив контроль государства над церковью. Сама по себе такая идея отдавала некоторой утопичностью. Находим у того же Фирсова: «Государство, получалось, должно было помочь Православной Церкви разрушить прежний союз, но не отказать в создании союза нового, суть которого можно сформулировать так: у Церкви больше прав, у государства сохраняются старые обязанности»¹¹⁷. Реальность воплощения данного проекта в жизнь представляется сомнительной. Ведь позади были более двух сотен лет Синодального периода, исторические реалии изменились, оформился новый тип церковно-государственных отношений. Сложно было представить, что государству удастся вернуться к допетровскому пониманию симфонии властей, при этом дав Церкви свободу в устройстве внутрицерковной жизни. Примечательно, что по вопросу статуса и положения обер-прокурора Предсоборное присутствие не предложило каких-либо значительных изменений. Попытки ограничить участие обер-прокурора в государственных институтах в итоге не увенчались успехом¹¹⁸. Могли ли произойти существенные изменения в сути церковно-государственных отношений, если модель государственного надзора за Церковью, фактические и юридические отношения Синода и государства в общих чертах оставались прежними? Нет оснований для утвердительного ответа на этот вопрос. Так или иначе, мы можем только предполагать, каким был бы

¹¹⁶ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 223.

¹¹⁷ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 228.

¹¹⁸ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 223-224.

Поместный Собор и как изменились бы после него церковно-государственные отношения, если бы пожелания Предсоборного Присутствия были учтены. В реальности же спустя всего 4 с половиной месяца функционирования (не считая перерыва) Присутствие прекратило свою работу. Сводный доклад, подведший итог заседаниям, был представлен Императору, который в апреле 1907-го года наложил на него резолюцию: «Собор пока не созывать»¹¹⁹. Почему это произошло?

Здесь мы сталкиваемся с принципиальной и очень важной чертой изучаемого периода: влиянием политической конъюнктуры на дело церковного реформирования. Перспективы церковного движения в этот сложный для страны период определялись внутривнутриполитическими факторами. Приступило к работе Предсоборное Присутствие в период активной борьбы с революцией, а к моменту завершения его заседаний революционные силы были почти истощены. Как отмечал Фирсов, «в условиях относительной стабилизации государственной машины у светских властей вызывало опасения дальнейшее укрепление церковной самостоятельности...»¹²⁰.

Таким образом, к 1908-му году попытки церковного реформирования потерпели крупную неудачу. Впрочем, к началу изучаемого нами периода общество всё ещё было полно надежд на созыв Собора и грядущие изменения в Церкви, что мы увидим, анализируя материалы «Русских ведомостей».

¹¹⁹ Прот. Митрофанов Георгий. История Русской Православной Церкви (1900–1927). URL: <http://predanie.ru/mitrofanov-georgiy-protoierey/book/79408-istoriya-russkoy-pravoslavnoy-cerkvi-1900-1927/> (дата обращения: 26.05.2016).

¹²⁰ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 221.

ГЛАВА II.

РАЗВИТИЕ ВОПРОСА О ЦЕРКОВНОМ РЕФОРМИРОВАНИИ 1908–1914 гг. СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ «РУССКИЕ ВЕДОМОСТИ»

2.1. Либеральная газета «Русские ведомости» и её ведущий публицист С. П. Мельгунов

Приступая к изучению церковно-государственных отношений в 1908–1914 гг., представляется целесообразным дать краткую характеристику издания, выбранного в качестве основного источника исследования.

Общественно-политическая газета «Русские ведомости» стояла у истоков партийного движения. Основанная в 1863-м году и нашедшая оптимальную для себя экономическую модель (газета издавалась Товариществом), она уже с 90-х годов XIX века стабильно приносила своим издателям крупный доход: более 70 тыс. рублей. Как отмечает Г. В. Жирков, «это был уникальный пример в практике русской журналистики, когда качественная, интеллигентская, со своим направлением газет давала её издателю прибыль»¹²¹. С. Я. Махонина особо подчеркивала, что «Русские ведомости» являлись образцом качественного издания для своего времени, фактически моделью, на которую ориентировались другие газеты¹²².

Всё время своего существования газета оставалась верна либеральному направлению. Ей удавалось сохранять баланс между безликостью, чрезмерной осторожностью в преподнесении материала и опасной для судьбы издания политической критикой. Как писал один из её видных публицистов В. Г. Короленко, «Русские ведомости» «недаром называли “профессорской газетой”. Много знания, много солидности, много корректной сдержанности и под этой сдержанностью постоянно бьющееся горячее гражданское чувство. <...> Профессорская газета говорила ровно и

¹²¹ Жирков Г. В. Золотой век журналистики России. История русской журналистики 1900–1914 годов. СПб, 2011. С. 183.

¹²² Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века. М., 2011. С. 69.

убежденно. Читатель отлично слышал то, что она говорила, и не менее ясно слышал он также то, о чем она молчала. <...> Так она продержалась и успела создать традицию русского либерализма того времени в широком чисто русском смысле этого слова»¹²³. При этом нужно отметить, что газета, несмотря на ярко выраженную либеральную ориентацию, не позиционировала себя как партийную. В начале XX века направление газеты было ближе всего кадетской партии, тем не менее, «Русские ведомости» не отказывали себе в критике в том числе кадетов и заявляли о наличии у редакции собственной программы, в основе которой лежала реализация на территории России либеральных ценностей и свобод (свободы совести, свободы печати, свободы собраний и союзов и т.д.)¹²⁴. Ориентация издания была близка интеллигенции, которая уважала не только серьезность подачи материала журналистами газеты, но и её верность идеологическому направлению. «Русские ведомости» всегда оставались на высоком уровне и отличались аналитичностью материалов, качественной публицистикой, надежной информацией. В разное время с газетой сотрудничали крупные литераторы (М. Е. Салтыков-Щедрин, В. Г. Короленко, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, М. М. Пришвин, Д. Н. Мамин-Сибиряк и др.), видные московские ученые, из-за активного участия которых газета и получила ироничное название профессорской (Б. Н. Чичерин, Н. А. Попов, И. И. Янжул, М. М. Ковалевский и др.), известные журналисты (Вл. Гиляровский, Гл. Успенский, Вл. Розенберг и др.)¹²⁵.

С 1882-го года и вплоть до 1913-го (то есть в течение изучаемого нами и периода) редактором газеты был Василий Михайлович Соболевский,

¹²³ Короленко В. Г.. Черточка из автобиографии. Русские ведомости (1863 - 1913). Юбилейный сборник. СПб., 1913 // Портал «Литература и жизнь» URL:

http://dugward.ru/library/korolenko/korolenko_chertochka.html (дата обращения: 20.04.2016).

¹²⁴ Жирков Г. В. Золотой век журналистики России. История русской журналистики 1900-1914 годов. СПб, 2011. С. 184-185.

¹²⁵ Богданова Е. М. Газета «Русские ведомости»: издатели-редакторы и сотрудники // Филологические науки в России и за рубежом: материалы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). СПб., 2012. С. 188-191.

Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века. М., 2011. С. 69.

который, попав в издание случайно, 27-летним юношей, отдал ему всю свою жизнь, сохранял верность идеалам либерализма. Соболевский сумел собрать под сенью газеты выдающихся публицистов своего времени¹²⁶.

В начале XX века авторами «Русских ведомостей» разрабатывались такие важные темы общественно-политической жизни, как народное представительство в структуре власти, земское движение, крестьянский и рабочие вопросы, государственное реформирование с учетом мирового опыта¹²⁷, реализация либеральных свобод на территории России. Одной из важных тем, о которых писало издание, стало развитие в стране принципов свободы совести и церковное реформирование, рассматриваемое, естественно, с либеральных позиций. Ключевым автором, писавшим по данной тематике, был русский историк и политический деятель Сергей Петрович Мельгунов. Он разделял политические взгляды своего издания и был убежденным либералом. В сфере научных интересов Мельгунова значилась история Православной Церкви и общественных движений, русская революция и, впоследствии, Гражданская война.

Мельгунов, как и многие его современники, негативно оценивал церковную реформу Петра и превращение Церкви в «отрасль бюрократического управления»¹²⁸. В своём труде «Как создавалась в России государственная церковь» историк отмечал, что «закабаление “пастырей духовных” на службу государства имело <...> тяжелые и роковые последствия для православной церкви»¹²⁹. Мельгунов считал, что встраивание церкви в государственный аппарат превратило её в огромную канцелярию и лишило сакрального смысла — роли блюстительницы нравственного закона, совести и справедливости. Сергей Петрович, вспоминая, как проклинала Церковь декабристов, истинных борцов за

¹²⁶ Жирков Г. В. Золотой век журналистики России. История русской журналистики 1900-1914 годов. СПб, 2011. С. 183.

Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века. М., 2011. С. 69.

¹²⁷ Жирков Г. В. Золотой век журналистики России. История русской журналистики 1900-1914 годов. СПб, 2011. С. 188.

¹²⁸ Мельгунов С. П. Как создавалась в России государственная церковь. М., 1917. С. 13.

¹²⁹ Там же.

свободу и справедливость, как она призывала народ подчиниться своему подневольному положению, пока либеральная общественность выступала с осуждением крепостного права, выдвинул Церкви серьёзное обвинение, назвав её врагом свободы. И в начале XX-го века Церковь, по мнению Мельгунова, сохраняла свою негативную роль, являясь противницей освободительного движения и возбуждая ненависть между группами граждан (публицист обвинял Церковь в том, что вместо проповеди братской любви она призывала к контрреволюции)¹³⁰. И вот это «рабское» положение Православной Российской Церкви по отношению к государству, её отказ от идеи истинного, в самом высоком смысле слова, служения — это то, с чем не мог смириться молодой Мельгунов и сквозь призму чего он выстраивал свою дискуссию о церковном реформировании на страницах «Русских ведомостей».

Ещё одним ключевым журналистом издания, анализировавшим проблемы церкви и церковно-государственных отношений на страницах «Русских ведомостей», был Василий Яковлевич Уланов. Ему принадлежат серии публикаций о церковной школе и реформе прихода, а также цикл злободневных статей «Церковь и общество».

2.2. Программа церковного реформирования газеты «Русские ведомости»

Что включала в себя либеральная программа церковного реформирования, предлагаемая «Русскими ведомостями»? Во-первых, издание было ориентировано на реализацию принципов свободы вероисповедания в полном объёме, то есть уравнивании в правах Православной Российской Церкви и остальных вероисповеданий. «Свобода совести уже по самой природе своей не допускает компромиссов»¹³¹, — отмечала газета в статье, посвященной трехлетним итогам манифеста 17 апреля.

¹³⁰ Мельгунов С. П. Как создавалась в России государственная церковь. М., 1917. С. 13-15.

¹³¹ Котляревский С. Москва, 17 апреля // Русские ведомости. 1908. № 89. 17 апреля. С. 1-2.

Представители иноверных и инославных конфессий должны были получить право не только свободно исповедовать, но и свободно проповедовать свою религию.

Во-вторых, необходимо отметить, что, рассуждая о путях выхода Православной Российской церкви из состояния кризиса, «Русские ведомости» настаивали на необходимости её полной автономности. Мельгунов писал: «Если православие оказывается недостаточно жизненным для сопротивления сектантским доктринам, то та же многолетняя практика свидетельствует, что причина заключается в том его бессилии, которое в значительной степени связано с отсутствием самостоятельной церкви, в отсутствии той нравственной боевой силы, которая, вопреки чаяниям, видимо, наиболее горячих адептов церкви, неизбежно парализуется призывами помощи со стороны светской власти для поддержки миссионерства и защиты церковных привилегий»¹³². Таким образом, вопрос об отношениях государства и церкви редакция газеты решала однозначно: «Проблема свободы совести в идеальном своем разрешении требует полного равноправия религий. Но последнее может быть достигнуто лишь при разделении церкви и государства»¹³³.

Из положения об автономности церкви закономерно вытекали следующие позиции газеты:

— Возвращение к каноническому строю и созыв Собора, на котором будет обобщен опыт предыдущих столетий в вопросах управления и повседневной жизни Православной Российской Церкви, обозначены её основные проблемы и приняты ключевые решения на пути выхода из кризиса. Собор признавался требованием времени: «Правящим церковным кругам необходимо отрешиться от страха, созвать собор, необходимо

¹³² М-новъ С. О «вреде» свободы совести // Русские ведомости. 1908. № 98. 27 апреля. С. 3.

¹³³ Мельгунов С. Старые теории на новый лад // Русские ведомости. 1908. № 109. 11 мая. С. 3.

вступить на путь действительных реформ в церкви, иначе они пойдут другим путем, мимо них, ибо идут со стихийной необходимостью»¹³⁴;

— Возрождение приходской жизни, наделение прихода правами юридического лица, восстановление связи священнослужителей со своей паствой;

— Обновление системы церковного образования: вывод начального образования граждан из-под ведения церкви и перевод церковно-приходских школ под опеку министерства народного просвещения; коренные преобразования в высшем богословском образовании и наделение духовных академий автономией; поднятие уровня образованности и морального облика духовенства;

— Экономические улучшения в быте духовенства, которых можно достигнуть благодаря перераспределению внутрицерковных ресурсов, наведению порядка в церковном хозяйствовании, наделению церковной единицы — прихода — большей самостоятельностью. «Духовное усовершенствование духовенства немыслимо без экономического улучшения в быте этого сословия»¹³⁵, — отмечал В. Уланов, подчеркивая важность материальной стороны вопроса;

— Эффективная миссионерская деятельность вкупе с отказом от дореформенного сознания и попыток сдержать полицейскими мерами распространение других вероисповеданий.

В следующих параграфах мы рассмотрим развитие обозначенных выше тем «Русскими ведомостями». Но перед тем, как перейти к анализу дискуссии о церковном реформировании, необходимо отметить схему принятия законов в сфере вероисповедной политики, установленную в российской юридической практике после введения в стране конституционной монархии.

¹³⁴ Церковная реформа и Государственная Дума // Русские ведомости. 1908. № 140. 18 июня. С. 1-2.

¹³⁵ Уланов В. Церковь и общество // Русские ведомости. 1910. № 58. 12 марта. С. 4-5.

2.3. Вероисповедная политика государства: юридический аспект, ключевые законопроекты 1908-1914 гг. и их оценка «Русскими ведомостями»

Согласно Манифесту от 17-го октября Государь Император осуществлял законодательную власть в единении с Российским Парламентом. Парламент состоял из двух палат: верхней (Государственного совета) и нижней палаты (Государственной Думы). Проекты законов сначала принимались в Думе, затем они поступали на обсуждение в Государственный совет, который, в свою очередь мог оставить их без принятия и отклонения, передав их с согласительные комиссии, как правило, состоявшие из семи представителей от каждой из двух законодательных палат¹³⁶. Высшим правительственным органом по-прежнему являлся Совет министров, направлявший и объединявший действия Министров по предметам законодательства и высшего государственного управлению. Он предлагал законопроекты, которые затем отправлялись в парламент. Законом становились, таким образом, те законопроекты, которые прошли через Совет Министров, были одобрены Советом и Думой и утверждены Императором. Как отмечал В. К. Пинкевич, «дальнейшее продвижение вероисповедных реформ во многом зависело от того, насколько удастся наладить взаимодействие исполнительной власти и Государственной Думы»¹³⁷. Именно такая задача встала перед П. А. Столыпиным, вступившим на пост председателя Совета министров в 1906-м году.

В речи, произнесённой Столыпиным во II Государственной думе 6 марта 1907 года, он выделил ключевую идею, лежащую в основу правительственных законопроектов, вносимых Министерством в Думу: «создать те материальные нормы, в которые должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени.

¹³⁶ Государственная Дума // Православная энциклопедия под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. URL: <http://www.pravenc.ru/text/166321.html> (дата обращения: 12.02.2016).

¹³⁷ Пинкевич В. К. П. А. Столыпин и религиозный вопрос в начале XX века // Национальные интересы. – 2004. – № 4 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ni-journal.ru/archive/52ab0058/698cdbc/d055ee76/f0a6600a/> (дата обращения: 12.02.2016).

Преобразованное по воле Монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое...»¹³⁸ То есть важнейшей задачей для Столыпина была организация надёжной базы для современной правоприменительной практики, ограждение прав и обязанностей российских подданных от вольных трактовок отдельных лиц. Большое внимание государственный деятель уделял важной задаче реализации на практике начал веротерпимости; он ставил перед правительством цель полного пересмотр отечественного законодательства на предмет соответствия его положений Октябрьскому манифесту и указу от 17 апреля¹³⁹. Понимание Столыпиным свободы совести на российской почве отвечало духу Манифеста и учитывало привилегированное положение Православной Российской Церкви. Митрополит Евлогий отмечал, что Пётр Аркадьевич «хотел дать "свободу совести", но не хотел давать свободы религиозной пропаганды, т.е. дать внутреннюю свободу, но ограничить право агитации в пользу того или иного исповедания»¹⁴⁰.

Одновременно с сохранением ведущего положения и государственной поддержки Православной Церкви, Столыпин при этом стремился дать ей больше свободы во внутреннем управлении, то есть, по факту, стоял на тех же позициях, что и представители Соборного движения в Русской Церкви. В уже упоминаемой нами речи председатель Совета министров отмечал: «правительство должно было <...> твердо установить, что многовековая связь русского государства с христианской церковью обязывает его положить в основу всех законов о свободе совести начала государства христианского, в котором Православная Церковь, как господствующая, пользуется данью особого уважения и особою со стороны государства охраною. Оберегая права и преимущества Православной Церкви, власть тем

¹³⁸ Столыпин П. А.: Программа реформ. Документы и материалы : в 2 т. М., 2011. Т. 1. С. 33.

¹³⁹ Столыпин П. А.: Программа реформ. Документы и материалы : в 2 т. М., 2011. Т. 1, С. 34.

¹⁴⁰ Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. Воспоминания Париж, 1947. URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/evlogy1/main.htm> (дата обращения: 05.05.2016).

самым призвана оберегать полную свободу ее внутреннего управления и устройства»¹⁴¹.

Таким образом, выделяются два важных момента в позиции Столыпина по делу церковного реформирования: его ориентация на приведение законодательства в согласие с современными реалиями России, как конституционной монархии; и его видение свободной Церкви, находящейся под покровительством государства.

Столыпин, одним из тезисов программы которого была реализация начал свободы вероисповедания в стране, подчёркивал, что «права и преимущества Православной Церкви не могут и не должны нарушать прав других исповеданий и вероучений»¹⁴². В связи с этим Министерство внесло в Госдуму и совет соответствующие законопроекты: всего законодательных инициатив, касающихся статуса религиозных общин, было одиннадцать¹⁴³. Они определяли процесс смены вероисповедания, инославные и иноверные богослужения и сооружения молитвенных зданий, изменения в области семейного законодательства, связанные с дарованной свободой и т.д.

Думское большинство не одобрило законопроекты Столыпина, считая их унижающими Православную Церковь, а кадеты и близкие к ним партии, на которые рассчитывал председатель Совета министров, использовали думскую трибуну для трансляции либеральных идей о равноправии религиозных общин¹⁴⁴.

Таким образом, деятельность Столыпина в выстраивании отношений между правительством и Государственной Думой с целью проведения своей политики не увенчалась успехом. А вскоре оказавшаяся не эффективной из-за своих левых настроений Дума была распущена, и все эти вопросы перешли по наследству в III Государственную Думу (1907–1912), работа

¹⁴¹ Столыпин П. А.: Программа реформ. Документы и материалы : в 2 т. М, 2011. Т. 1, С. 34-35.

¹⁴² Столыпин П. А.: Программа реформ. Документы и материалы : в 2 т. М, 2011. Т.1, С. 35.

¹⁴³ Государственная Дума 2-го созыва. Обзор деятельности комиссий и отделов. СПб., 1907. Приложения. С. 603.

¹⁴⁴ Государственная Дума // Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. URL: <http://www.pravenc.ru/text/166321.html> (дата обращения: 05.05.2016).

которой и представляет значительный интерес для нашего исследования, так как именно в период её созыва шла наиболее активная дискуссия о свободе совести и церковном реформировании.

Победу на выборах в III Государственную Думу одержал «Союз 17 октября», партия-представительница правого крыла русского либерализма, восходящая своим названием к Высочайшему Манифесту об усовершенствовании государственного порядка и положившая в основу своей программы его ключевые положения. Партия крупных землевладельцев, чиновников и предпринимателей, Союз 17-го октября придерживался умеренно-конституционных и антиреволюционных позиций¹⁴⁵. Заняв центристское положение в Думе, октябристы обеспечивали себе большинство голосов, объединяясь, по необходимости, то с правыми, то с конституциональными демократами. III Государственная Дума была более настроена на диалог с правительством Столыпина (а после его убийства в 1911 году – Владимира Николаевича Коковцова), нежели её предшественницы.

В состав думских комиссий входили: комиссия по вероисповедным вопросам, комиссия по делам православной Церкви, позднее к ним присоединилась комиссия по старообрядческим вопросам. Основные вопросы, касающиеся вероисповедной политики государства и внутреннего реформирования Православной Церкви, решались именно в них¹⁴⁶.

У Думы были непростые отношения со Святейшим Синодом, что на практике отразилось в постоянных разногласиях, связанных с обсуждением синодальных смет, а в 1908-м году привело к постановке на повестку дня вопроса о судьбе церковно-приходской школы в России (подробнее будет рассмотрен в параграфе 2.6). Митрополит Евлогий, входивший в состав и Синода, и Государственной Думы, называл отношения между нами

¹⁴⁵ Союз 17-го октября. Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Союз_17_октября (дата обращения: 04.05.2016).

¹⁴⁶ Государственная Дума // Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. URL: <http://www.pravenc.ru/text/166321.html> (дата обращения: 05.05.2016).

«безысходной коллизией двух сторон друг другу чуждых, а порой и враждебных»¹⁴⁷. Он с сожалением писал о том, что Синод в Думе не имел престижа и поддерживали его только правые¹⁴⁸. Скорее всего, это было связано с тем, что депутаты, как метко заметил Фирсов, привыкли «смотреть на Церковь прежде всего как на политическую институцию»¹⁴⁹. Понимание подчиненности Церкви государственным интересам провоцировало их неуважительное и порой враждебное отношение к церковным институтам.

Деятельность III Государственной Думы по Церковным вопросам активно обсуждалась в печати, с неусыпным вниманием следила за ней и газета «Русские ведомости», давая обзоры думских заседаний и их оценку с либеральных позиций.

Рассматривая эту дискуссию на страницах «Русских ведомостей», отметим, что газета чутко реагировала на настроения правительства и законодателей. В период особенно активной деятельности III Государственной Думы в сфере вероисповедной политики (1908–1910 гг.) редакция «Русских ведомостей» с интересом следила за обсуждением законопроектов, предлагала конструктивную критику, публиковала большое количество материалов в защиту либеральных позиций. Постепенно интерес к вероисповедной сфере у газеты снижается, в тоне публикаций сквозит сильное разочарование, и в начале 1911-го года издание уже отмечает «поворот назад к традиционным заветам религиозной нетерпимости во имя охранения старых устоев государственного быта».¹⁵⁰ Такое изменение настроений публицистов закономерно: постепенно голоса в пользу защиты свободы совести становились всё тише, а либеральные законопроекты застревали, кочуя между Госсоветом, Думой и согласительными комиссиями. Так произошло со значимыми законопроектами столыпинского периода: о религиозных общинах и религиозных обществах, внесённом ещё в 1907 во II

¹⁴⁷ Митрополит *Евлогий (Георгиевский)*. Путь моей жизни. Воспоминания Париж, 1947. URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/evlogy1/main.htm> (дата обращения: 05.05.2016).

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ *Фирсов С. Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 367.

¹⁵⁰ *Мельгунов С. П.* Свобода совести // Русские ведомости. 1911. № 1. 1 января. С. 6.

Думу, перешедшем в III Думу и так и не утверждённом согласительной комиссией; законопроектом об изменении законоположений о переходе из одного исповедания в другое, принятым III Думой, отклоненным Госсоветом и навсегда застрявшем в согласительной комиссии и т.д. По сути законом стал лишь один законопроект «Об издании правил относительно секты мариавитов» — Николай II подписал его в 1912-м году.

Естественно, «Русские ведомости» были в корне не довольны политикой, проводимой в области церковно-государственных отношений и динамикой развития вопроса. Газета критиковала законодателей за их нерешительность и закостенелость, за нежелание идти в ногу с современной правоприменительной практикой. Особенной критике подвергались министерские законопроекты за их паллиативный характер, попытки «вливать новое вино в старые меха»¹⁵¹. Издание считало, что они представляли собой «в сущности спаивание несовместимых элементов - положений старого государственного строя, для которого известное вероисповедание является преимущественно ценным как некоторое *instrumentum regni*, с принципами правового порядка, стремящегося установить прочные гарантии нерушимости религиозной свободы»¹⁵². По мнению либеральной газеты, попытки правительства Столыпина дать церкви больше свободы, при этом сохранив государственную опеку, были заранее обречены на провал. Мельгунов пишет: «Сохраняя в силу “вековых связей” прежнюю опеку, которая в жизненных отношениях сводится к политическому воздействию, убивающему идею автономной церкви, министерские законопроекты, отстаивающие приоритет официальной церкви, на самом деле не могут удовлетворить и ее адептов»¹⁵³.

Дума также критиковалась за неспособность взять твёрдый конституционный курс («Слишком уж податливо думское большинство на

¹⁵¹ Мельгунов С. Защита старых позиций // Русские ведомости. 1908. № 63. 15 марта. С. 2.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Мельгунов С. Церковь и свобода совести // Русские ведомости. 1908. № 1. 1 января. С. 5-6.

переменчивые настроения правящих сфер»¹⁵⁴) и «половинчатость решений церковной комиссии»¹⁵⁵. Действительно, Столыпин столкнулся с существенными проблемами, пытаясь сочетать первенство Православной Церкви с реализацией принципов свободы совести: это был путь непростых компромиссов¹⁵⁶. С годами газета отмечала всё более сильный уклон к старым порядкам и уход от самой идеи церковного реформирования и реализации принципов веротерпимости и свободы совести. В 1910-м году издание писало: «Путь церковного реформаторства, намеченный современной политикой, вполне определился: выражается готовность идти на всякие меры борьбы с иноверными, инославными и сектантскими движениями, закладываемая краеугольный камень “возрождения” православия в виде отмены законов о веротерпимости»¹⁵⁷.

В итоговой статье, приуроченной к трехлетию Манифеста 17-го апреля 1905-го года, «Русские ведомости» пишут: «Но в сущности и в аргументах тех реформаторов, которые видят в господствующей религии залог прочности современного строя, и в министерских законопроектах, представленных в третью Государственную Думу, красной нитью проходит тенденция, воскрешающая прежнюю теорию соединения религии и политики, что в конце концов равносильно отрицанию всякой свободы совести. Подобное соединение приводит и не может не приводить к резким противоречиям: при такой постановке вопроса, вне сомнения, свобода совести подрывает основы старого режима, с легкой руки его идеологов все еще покоящегося на основах теории официальной народности»¹⁵⁸. Это ключевой момент для понимания позиции «Русских ведомостей» по вопросу автономности церкви и реализации свободы совести. Пока Православная

¹⁵⁴ Мельгунов С. Гражданский правопорядок. Свобода совести // Русские ведомости. 1909. № 1. 1 января. С. 8-9.

¹⁵⁵ Мельгунов С. Защита старых позиций // Русские ведомости. 1908. № 63. 15 марта. С. 2.

¹⁵⁶ Пинкевич В. К. П. А. Столыпин и религиозный вопрос в начале XX века // Национальные интересы. 2004. № 4. URL: <http://www.ni-journal.ru/archive/52ab0058/698cdbec/d055ee76/f0a6600a/> (дата обращения: 12.02.2016).

¹⁵⁷ Москва, 1 августа // Русские ведомости. 1910. № 176. 1 августа. С. 2.

¹⁵⁸ Котляревский С. Москва, 17 апреля // Русские ведомости. 1908. № 89. 17 апреля. С. 1-2.

Церковь находится в привилегированном положении, свобода совести в стране невозможна.

Отсюда вытекает ещё одно значимое обвинение, выдвигаемое изданием государственной политике в области церкви: это оценка вопросов церковного реформирования с точки зрения их политической выгоды. Цитирую: «За истекшее прошлое религия насильно оказывалась привязанной к политике: религией пользовались как орудием властвования <...> Но, — что важнее всего, — в преследованиях сектантов вновь выдвигаются старые мотивы, объединяющей политику с религией»¹⁵⁹.

В качестве примера приведём один из случаев возвращения к дореформенным порядкам, критикуемый «Русскими ведомостями», — это преследование секты «Новый Израиль», спровоцированное Киевским Миссионерским съездом. Синод попытался реализовать постановления съезда, признав секту «Новый Израиль» «весьма вредной», о чём было донесено Министерству внутренних дел¹⁶⁰. У Мельгунова было своё мнение относительно истинных причин гонений на секту: миссионеры усмотрели в учении секты «Новый Израиль» проповедь о социальном равенстве¹⁶¹.

Далее, следует обратить внимание на критику изданием самого подхода к законодательству о сектантах. Нежелание полноценно реализовывать принципы свободы совести в этой области приводило к системе классификации религиозных учений по рангам и оценке их по принципу полезности. Мельгунов считал такой подход в корне неверным, так как «религия заслуживает большей или меньшей охраны исключительно лишь как один из важнейших устоев государства»¹⁶². Единственным новшеством современного Уголовного положения газета признавала попытку отделить религиозные преступления от государственных (тогда как старое Уложение соединяло их, «т.е. в полной мере осуществляло идеи полицейского

¹⁵⁹ Мельгунов С. Гражданский правопорядок. Свобода совести // Русские ведомости. 1909. № 1. 1 января. С. 8-9.

¹⁶⁰ Мельгунов С. Новая угроза свободе совести // Русские ведомости. 1909. № 15. 20 января. С. 3.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Мельгунов С. Старые теории на новый лад // Русские ведомости. 1908. № 109. 11 мая. С. 2-3.

государства»)¹⁶³. Однако этого либеральному изданию было недостаточно: необходимо было решать проблему радикально, то есть ликвидировать сам «принцип полезности».

Следующая претензия, которую предъявляла газета к современному законодательству — «неустойчивость и эластичность в интерпретации». Именно в том, чего хотел избежать Столыпин, обвиняла его правительство «профессорская» газета. Мельгунов отмечал, что даже в государстве, где Церковь пока не отделена от государства, а значит, не реализована полноценная свобода совести, возможна «элементарная справедливость»¹⁶⁴. Находим у публициста: «Лишь грубые выражения религиозной нетерпимости, попрание религиозной свободы, право каждого гражданина свободно самоопределяться в сфере религиозного мышления, — эти только действия и могут преследоваться уголовным законом. Министерские законопроекты стоят на другом полюсе по сравнению с указанной точкой зрения»¹⁶⁵.

И, наконец, обширной критики «Русских ведомостей» заслужила фактическая реализация принципов свободы совести. Емко описывает ситуацию Влад. Бонч-Бруевич в статье о преследовании сектантов: «Циркуляры против сектантов распространяются очень быстро на местах, а вот в их защиту - "со скоростью черепашьего шага. <...> Священник ног в ногу марширует с полицией. <...> Сектанты, которых гонят, преследуют и всячески травят, всеми мерами стремятся к законности, мечтают о том времени, налету подхватывают всякий слух, когда можно будет исполнить свои гражданские обязанности, и их все-таки несмотря ни на что хотят поставить "вне закона", за гнать в подполье. А представители власти, блюстители закона, по целым месяцам не только скрывают от населения важные распоряжения центральной власти, но, очевидно, не удосуживаются

¹⁶³ Мельгунов С. Старые теории на новый лад // Русские ведомости. 1908. № 109. 11 мая. С. 2-3.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Мельгунов С. Старые теории на новый лад // Русские ведомости. 1908. № 109. 11 мая. С. 2-3.

и сами узнать то, что по прямому долгу службы им ведать надлежит»¹⁶⁶. Газета отмечает постоянные злоупотребления на местах, медленную скорость донесения новых законодательных норм до местных властей, их успешные попытки игнорирования и обхода законов, а зачастую банальное их непонимание. «Может ли разобраться эта низшая административная власть в тонкостях бюрократической политики, ставящей своей задачей несовместимое сочетание фактической религиозной нетерпимости с официальной фикцией религиозной свободы»¹⁶⁷, — восклицает Мельгунов в 1912-м году, когда надежды на либеральный курс правительства у издания больше нет, и «границы, отделяющие наши дни от доконституционного периода, решительно стерлись»¹⁶⁸. Газета констатировала, что «в атмосфере сгущающейся реакции исчезали постепенно и те проблески правомерности, которые сквозили в циркулярах центральной власти, разъясняющих местным органам их права и обязанности по наблюдению за воплощением в жизнь новых вероисповедных начал»¹⁶⁹. Как мы помним, начало XX-го века — это то нестабильное время, когда дело церковной реформы всецело зависело от политического климата в стране. В 1912-м году воспоминания о прокатившейся по стране революции отходили на второй план перед вызовами нового времени. В обществе росло политическое влияние Григория Распутина, которого многие считали проходимцем и символом нравственного разложения монархии (очень метко отношение общества к его фигуре характеризуют слова председателя Государственной Думы М. В. Родзянко: «Никакая революционная пропаганда не могла бы сделать того, что делает присутствие Распутина»¹⁷⁰), усилился разлад между Государственной Думой и Синодом, обер-прокурором которого стал В. К. Саблер, чье имя в обществе связывали с фигурой Распутина.

¹⁶⁶ Бонч-Бруевичъ. В. Еще о преследовании сектантов // Русские ведомости. 1911. № 183. 10 августа. С. 2.

¹⁶⁷ Мельгунов С. На старую дорогу // Русские ведомости. 1912. № 1. 1 января. С. 6-7.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Мельгунов С. На старую дорогу // Русские ведомости. 1912. № 1. 1 января. С. 7.

¹⁷⁰ Родзянко М. В. Крушение империи. М., 1992. С. 52.

Ключевым тормозом на пути развития церковно-государственных отношений в позитивном русле «Русские ведомости» считали позицию Святейшего Синода, желавшего сохранить «полицейскую опеку» и закрепить господствующее положение Православной Церкви путём недопущения расширения прав других вероисповеданий. Газета небезосновательно обвиняла Синод в стремлении «к возрождению в полном объёме практики старого порядка»¹⁷¹. Новые реалии требовали от Церкви переосмысления задач и методов миссионерской деятельности, однако Церковь, по мнению журналистов газеты, упрямо отказывалась от адекватных стратегий, предпочитая полицейские меры из прошлого. Рассмотрим подробнее вопросы миссионерства в изучаемый период и их отражение на страницах «Русских ведомостей»

2.4. Русские ведомости о миссионерстве

И. К. Смолич выделяет в российской истории XVIII-XX веков четыре ключевых фактора, определивших всё её развитие и бросивших Церкви серьёзные вызовы. Первый – это изменение характера государственной власти и церковно-государственных отношений, произошедшее при Петре I (его мы подробно рассматривали в I главе). Три других тесно взаимосвязаны: это территориальный рост государства, численный рост населения, социальные и культурные изменения¹⁷². В результате изменений на географической карте и расширения границ империи среди её подданных оказывались представители других конфессий, как христианских, так и иудеи, мусульмане и др. Россия превращалась в многоконфессиональное государство, что ставило перед православными миссионерами новые трудные задачи. Статистический ежегодник России, опираясь на данные Всеобщей переписи 1897-го года и Финляндского ежегодника, сообщает о

¹⁷¹ Мельгунов С. Законопроекты о свободе совести в оценке синода // Русские ведомости. 1908. № 9. 11 января. С. 1.

¹⁷² Смолич И. К. История Русской Церкви: 1700-1917: В 2 ч. М., 1996-1997. URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/439961/> (дата обращения: 25.05.2016).

том, что к концу XIX-го столетия православных вместе с единоверцами и старообрядцами в империи было 69,9 %¹⁷³. Не доверяя данным правительственных и синодальных отчетов и учитывая тот факт, что многие старообрядцы и сектанты официально числились православными, Смолич пишет уже о равном соотношении исповедовавших православие и другие религии в начале XX-го века¹⁷⁴.

Исследователь обозначил три направления территориального роста государства: восточное, южное и западное¹⁷⁵ — каждое обладало своей спецификой и требовало разных подходов миссионерской работы.

Расширение территории империи в восточном направлении ставило перед Церковью задачи миссионерства среди мусульманского населения и проживавших в азиатской части страны язычников¹⁷⁶.

На юге со второй половины XIX-го века было активно сектантство протестантского толка, завезенное ещё немецкими колонистами во время освоения малонаселенных степных областей в Крыму, Северного Кавказа и Таврии¹⁷⁷.

На западе миссионерам нужно было работать среди представителей западных христианских вероисповеданий. Униаты представляли большую опасность в плане потенциального совращения православных, живущих в этих областях страны¹⁷⁸.

Важной проблемой Смолич считал необходимость Церкви «считаться в своей миссионерской деятельности с политическими и национальными государственными установками»¹⁷⁹, что зачастую приводило к некорректным методам работы. Например, государственная политика русификации порой не уделяла должного внимания культурной идентичности проживающих в

¹⁷³ Статистический ежегодник России. 1913 г. Издание ЦСК МВД. СПб., 1914.

¹⁷⁴ Смолич И. К. История Русской Церкви: 1700-1917: В 2 ч. М., 1996-1997. URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/439961/> (дата обращения: 25.05.2016).

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Смолич И. К. История Русской Церкви: 1700-1917: В 2 ч. М., 1996-1997. URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/439961/> (дата обращения: 25.05.2016).

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Там же.

составе империи народностей, что определяло направление миссионерской деятельности Православной Российской Церкви и часто провоцировало некорректное восприятие православных миссионеров.

Помимо сложностей, связанных с внешней миссией, нельзя упускать из виду миссию внутреннюю: работу с получившими в начале XX века широкие права старообрядцами, в среде которых Православная Церковь была традиционно неуспешна, и многочисленными сектантами, враждебными к православию.

17-го апреля 1905-го года Николай II подписал указ «Об укреплении начал веротерпимости», который мы уже кратко характеризовали в I главе. Несмотря на не удовлетворяющий либеральную общественность правовой характер документа, он, как отмечал С. Л. Фирсов, имел важное психологическое значение и способствовал изменению отношения к главной конфессии империи¹⁸⁰. После выхода указа его критики отмечали религиозную смуту, вызванную им в местностях, населённых в основном не исповедовавшими православие гражданами. Это было закономерно: люди, десятилетиями вынужденные числиться православными, не будучи таковыми по вере, массово возвращались в родную религию. В некоторых местностях «отпадение» превратилось в настоящую лихорадку. Самый крупный очаг массовых переходов наблюдался на востоке страны: согласно отчёту обер-прокурора Святейшего Синода к началу 1907-го года переход в римско-католическую церковь совершили 170935 бывших униатов, из них подавляющее большинство – в Холмской области¹⁸¹. А канадский исследователь Хэзер Колман, оценивая количество отступников в западных областях за период 1905-1909 гг., называет уже цифру в 233 тыс. жителей¹⁸².

¹⁸⁰ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 176.

¹⁸¹ Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству Православного исповедания за 1905 -1907 годы. СПб., 1910. С. 348.

¹⁸² Колман Х. Ересь и сектанство: IV Всероссийский миссионерский съезд и проблема культурного влияния в России после 1905 г. Доклад на конференции "Православие и межконфессиональные отношения в России: прошлое, настоящее, будущее" (Санкт-Петербург, 6-8 июня 1995 г.) // Портал Преображенское братство. URL: <http://psmb.ru/mission/article/eres-i-sektantstvo-iv-vserossiiskii-missionerskii-s-1984/> (дата обращения: 25.05.2016).

А. Бендин, описывая факторы, приведшие к такой феноменальной цифре, отмечал, что к выходу указа 1905-го года «не были разработаны дополнительные правительственные распоряжения относительно применения на практике норм нового закона, призванных урегулировать порядок перехода из Православия в иные вероисповедания. Сам же указ о веротерпимости также не содержал принципиальных указаний для определения процедуры, в соответствии с которой “должно происходить перечисление лиц, отпадающих от православия, в избираемую ими инославную или нехристианскую веру”»¹⁸³. А вот католическая иерархия Царства Польского и Северо-Западного края к указу о веротерпимости, напротив, оказалась во всеоружии. Бендин отмечал, что здесь переходы из православия приобрели характер не регулируемого государством низового способа реализации свободы дарованной свободы¹⁸⁴. Православная иерархия растерялась — митрополит Евлогий вспоминал: «Ни Варшавского архиепископа, ни меня не предупредили об указе, и он застал нас врасплох». Видимо, власти просто не рассчитывали на то, что польско-католические круги возьмут инициативу в свои руки, использовав фактор внезапности и грамотную подготовку. Находим у митрополита Евлогия: «Едва новый закон был опубликован, все деревни были засыпаны листовками, брошюрами с призывом переходить в католичество. Агитацию подкрепляли ложными слухами, низкой клеветой: царь уже перешёл в католичество...— переходите и вы!»¹⁸⁵ Более того, массовые переходы в католичество вызвали в западных областях вспышки религиозного насилия по отношению к православному населению. Бендин объяснял их именно

¹⁸³ Бендин А. Ю. Практика применения российского указа 17 апреля 1905 г. о веротерпимости в Холмской Руси. Доклад доктора исторических наук, доцент Института теологии БГУ Александр Юрьевича Бендина на Международной научно-практической конференции [«Исторические судьбы Карпатской и Западной Руси в отражении славянских литератур»](http://zapadrus.su/rusmir/istf/272-17-1905.html). 24.02.2016 // Портал Западная Русь. URL: <http://zapadrus.su/rusmir/istf/272-17-1905.html> (дата обращения: 13.05.2016).

¹⁸⁴ Бендин А. Ю. Практика применения российского указа 17 апреля 1905 г. о веротерпимости в Холмской Руси. Доклад доктора исторических наук, доцент Института теологии БГУ Александр Юрьевича Бендина на Международной научно-практической конференции [«Исторические судьбы Карпатской и Западной Руси в отражении славянских литератур»](http://zapadrus.su/rusmir/istf/272-17-1905.html). 24.02.2016 // Портал Западная Русь. URL: <http://zapadrus.su/rusmir/istf/272-17-1905.html> (дата обращения: 13.05.2016).

¹⁸⁵ Евлогий (Георгиевский) митрополит. Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994. С. 140-141.

«низовым» характером дарованной властями свободы. Эта особенность и спровоцировала в западных областях ситуацию, при которой «накопившаяся религиозная и этническая вражда к «православию и русской народности» в формах психологического и физического террора обрушилась на тех бывших униатов, которые проявили стойкость в приверженности к Православной Церкви»¹⁸⁶.

Православная иерархия была поражена явлениями массового отпадения от православия. Это потрясение хорошо передаёт телеграмма, отправленная епископом Евлогием еще находившемуся на посту обер-прокурора К. П. Победоносцеву: «Гибнет православное русское дело. Многие тысячи православных обманом и насилием увлечены в костёл»¹⁸⁷.

Многие представители Православной Церкви крайне враждебно восприняли введение свободы вероисповедания. Священник И. Полянский вспоминал: «Всего неожиданнее и прискорбнее, что некоторые православные понимают Высочайший указ в смысле унижения в нем Православной Церкви; — они говорят: всем верам даны в указе новые права, одна только Православная Церковь обойдена в нем милостями, если только не считать за милость то, что ее собственные чада отныне могут свободно и безнаказанно отпадать от нее»¹⁸⁸. Такой взгляд на проблему приходится признать довольно узким, и многим просвещенным представителям Церкви и общества было ясно, что правовая практика, связанная с формальным включением иноверцев в состав православных, никак не усиливает силы Православной церкви. И если с точки зрения количественной церковь действительно понесла в 1905-м и последующих годах существенные потери, то с точки зрения «качественной» введение веротерпимости не могло существенно изменить ситуацию. Находим у того же Полянского: «Свободная, а не

¹⁸⁶ Бендин А. Ю. Практика применения российского указа 17 апреля 1905 г. о веротерпимости в Холмской Руси. Доклад доктора исторических наук, доцент Института теологии БГУ Александр Юрьевича Бендина на Международной научно-практической конференции «Исторические судьбы Карпатской и Западной Руси в отражении славянских литератур». 24.02.2016. // Портал Западная Русь. URL: <http://zapadrus.su/rusmir/istf/272-17-1905.html> (дата обращения: 13.05.2016).

¹⁸⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 21.

¹⁸⁸ Полянский И., священник. Старообрядцы и Высочайший Указ 17 апреля 1905 г. М., 1905. С. 82, 93.

принужденная вера ценна у Бога и у людей. И такую верою сильна Церковь и только имеющие такую веру настоящие ее члены. Люди же, постороннюю волею обязанные числиться православными, ничего общего не имеют с истинно-православными, свободными в своей вере чадами Бога и Церкви, и поистине в экономии Церкви суть не живые, но мертвые души... С уходом этих, сердцем и совестью чуждых ей людей, Церковь ничего в действительности не потеряет, а, наоборот, много приобретет, ибо сила ее, повторяем, не в числе приписанных к ее приходам имен и фамилий, а в крепкой и искренней вере ее действительных, живых членов»¹⁸⁹. Того же мнения придерживался и публицист «Русских ведомостей» Сергей Мельгунов, написавший в 1908-м году: «Наблюдаемые ныне массовые отпадения от православия в сектантство <...> — ведь это все потери, которые церковь понесла уже давно»¹⁹⁰. Либеральная газета отмечала, что в конце XIX-го столетия именно сектанты являлись наиболее прогрессивно мыслящими людьми в деревне, потому что «в сектантстве преимущественно выливались умственные запросы, рождавшиеся в крестьянской среде»¹⁹¹, запросы, не находившие адекватного развития в стенах православного храма, скованного безразличием пастыря к духовному развитию и наставлению паствы. (Здесь будет уместно привести цитату из материала Николая Сперанского: «... клир христианский при великих отцах церкви действительно являлся сословием религиозных воспитателей. Всем ясно и то, что в русской исторической действительности клир никогда не поднимался на эту высокую ступень, — что как он был, так он и остается сословием лиц, совершающих таинства и исполняющих требы. <...> Та христианская проповедь, которая в западных церквях успела возродиться в полной мере ещё четыре века тому назад, нам остается неизвестной и поныне»)¹⁹². По мнению Мельгунова, свобода совести не только не должна была отвратить

¹⁸⁹ Полянский И., священник. Старообрядцы и Высочайший Указ 17 апреля 1905 г. М., 1905. С. 82, 93.

¹⁹⁰ М-новъ С. О «вреде» свободы совести // Русские ведомости. 1908. № 98. 27 апреля. С. 3.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Сперанский Н. Дать пастырям 4,000,000 // Русские ведомости. 1908. № 273. 25 ноября. С. 2.

людей от православия, но, напротив, поспособствовала бы укреплению главной конфессии империи. Цитирую: «Почти вне сомнения, что свобода совести, в сколь миниатюрной форме она у нас и ни была осуществлена, должна была повлиять на ослабление той остроты религиозных исканий в народной среде, которая в значительной степени вырастала на почве неудовлетворения господствующей религией, на почве протеста против той вероисповедной закабаленности, которая являлась отличительной чертой полицейского режима старого порядка»¹⁹³.

«Новое время» также не находило в свободе вероисповедания серьезной опасности для юридического и нравственного авторитета церкви. Издание писало про религиозную свободу: «Два года Россия уже эмпирически пользуется ею, и, исключая нескольких эксцессов польско-католического изуверства на почве проповеди “единоспасительной церкви”, это вообще не повело за собою никаких осязательных перемен в религиозном состоянии России. Россия как была, так и осталась в массе и подробностях православною, без малейшего колебания, без малейшего дрожания»¹⁹⁴.

Тем не менее, «эксцессы» случались, единоверцы и сектанты после введения свободы вероисповедания активно начали проводить собственные съезды, законодательные изменения 1905-го года разрушили «монополию на души русского населения»¹⁹⁵ и столкнули Православную Российскую Церковь с грозными соперниками. Сложившаяся ситуация требовала от церковной иерархии решительных действий, необходимо было переосмысливать миссионерскую работу.

Одним из центральных событий этого периода стал IV Всероссийский миссионерский съезд, проходивший в июле 1908-го года в Киеве и достигший небывалых размахов по количеству делегатов и кругу

¹⁹³ М-новъ С. О «вреде» свободы совести // Русские ведомости. 1908. № 98. 27 апреля. С. 3.

¹⁹⁴ Юридический и нравственный авторитет церкви // Новое время. 1908. № 11432. 9 января. С. 3.

¹⁹⁵ Колман Х. Ересь и сектантство: IV Всероссийский миссионерский съезд и проблема культурного влияния в России после 1905 г. Доклад на конференции "Православие и межконфессиональные отношения в России: прошлое, настоящее, будущее" (Санкт-Петербург, 6-8 июня 1995 г.) // Портал Преображенское братство. URL: <http://psmb.ru/mission/article/eres-i-sektantstvo-iv-vserossiiskii-missionerskii-s-1984/> (дата обращения: 25.05.2016).

обсуждаемых тем. Важнейшим вопросом, на нём поднятым, было согласование политики противодействия иноверцам, сектантам, старообрядцам в условиях свободы совести.

Программа съезда особое внимание уделяла глубокому анализу конкурентов Православной Церкви. В планах был пересмотр организации миссионерской деятельности и выработка отношения Православной Российской Церкви к переходящим в другие вероисповедания подданным. Позднее в повестку был включено и обсуждение методов борьбы с социал-демократическим учением¹⁹⁶.

Съезд получил крайне негативную оценку «Русских ведомостей». Либерал Мельгунов резко критиковал его, говоря, что его основная задача – не забота о распространении миссии, а борьба со свободой совести. «Киевский съезд вызвал из могил тени прошлого, о котором мы стали уже забывать. Эти всем известные резолюции воинствующего клира отбросили нас в такую сторону, что перед ними потускнели все бывшие ранее реакционные выступления. Киевский съезд на своем знании начертал непримиримую борьбу против свободы совести; он возродил старые лозунги религиозной нетерпимости»¹⁹⁷, – с негодованием отмечал публицист.

«Русские ведомости» считали упадок миссионерской деятельности закономерным следствием проводимой церковной политики и одной из важных проблем Церкви, которая пыталась скрыть существующие трудности и бороться со свободой совести вместо того, чтобы заниматься внутренним реформированием. Соглашаясь с В. О. Ключевским, газета признавала, что отсутствие живой связи между высшей церковной властью и паствой и каноническая неподвижность Церкви, идущая вразрез с неумолимыми

¹⁹⁶ Колман Х. Ересь и сектантство: IV Всероссийский миссионерский съезд и проблема культурного влияния в России после 1905 г. Доклад на конференции "Православие и межконфессиональные отношения в России: прошлое, настоящее, будущее" (Санкт-Петербург, 6-8 июня 1995 г.) // Портал Преображенское братство. URL: <http://psmb.ru/mission/article/eres-i-sektantstvo-iv-vserossiiskii-missionerskii-s-1984/> (дата обращения: 25.05.2016).

¹⁹⁷ Мельгунов С. Гражданский правопорядок. Свобода совести // Русские ведомости. 1909. № 1. 1 января. С. 8-9.

запросами жизни, лежали в основе церковного кризиса¹⁹⁸. Сектантство давало именно то, чего не давала косная структура Православной Российской Церкви: «...сила сектантства, конечно, не в его догматической или обрядовой стороне, а исключительно в том, что сектантская религиозная община представляет живой союз, все члены которого чувствуют нравственную связь между собой и со своим духовенством. Этой связи нет внутри нашего прихода...»¹⁹⁹. Мельгунов полагал, что «полицейские запрещения, как показал долголетний опыт, не могут положить препон развитию тех рождающихся в народных массах движений, которыми руководит пробуждающееся религиозное сознание»²⁰⁰ — удовлетворить духовные потребности современных крестьян может лишь «живая» самостоятельная церковь. «Если православие оказывается недостаточно жизненным для сопротивления сектантским доктринам, то та же многолетняя практика свидетельствует, что причина заключается в том его бессилии, которое в значительной степени связано с отсутствием самостоятельной церкви, в отсутствии той нравственной боевой силы, которая, вопреки чаяниям, видимо, наиболее горячих адептов церкви, неизбежно парализуется призывами помощи со стороны светской власти для поддержки миссионерства и защиты церковных привилегий»²⁰¹, — отмечал либеральный публицист.

Похожую точку зрения мы встречаем и среди многих представителей церкви. В «Отзывах епархиальных архиереев...», которые мы уже затрагивали ранее, авторы выражали надежду на то, что восстановление канонического устройства прихода привлекло бы к нему сектантов. Миссионерские кружки, приходские попечительства и церковные братства, то есть организации на уровне прихожан могли бы успешно проводить

¹⁹⁸ Кокошкин О. Ключевский о церковных реформах // Русские ведомости. 1911. № 166. 20 июля. С. 3.

¹⁹⁹ Москва, 28 июля // Русские ведомости. 1913. № 174. С. 2.

²⁰⁰ М-новъ С. О «вреде» свободы совести // Русские ведомости. 1908. № 98. 27 апреля. С. 3.

²⁰¹ М-новъ С. О «вреде» свободы совести // Русские ведомости. 1908. № 98. 27 апреля. С. 3.

миссионерскую работу и воздействовать на сектантов и раскольников²⁰². Вообще проблема упадка прихода и путей его реформирования стала в начале XX-го века одной из ключевых в дискуссии о будущем церкви. В следующем параграфе мы рассмотрим предысторию этого вопроса и проследим его развитие в газете «Русские ведомости».

2.5. «Русские ведомости» о реформе прихода: позиция либерального издания в контексте общественной дискуссии

Реформа прихода являлась ключевой темой дискуссии о церковном реформировании в начале XX-го века. Трудно переоценить её значение: «Без преувеличения можно сказать, что от решения приходского вопроса зависело будущее Православной Церкви как живой религиозной организации, объединявшей верующих без различия состояний и сословий», — отмечал С. Л. Фирсов²⁰³. Чтобы понять проблематику дискуссии о реформе прихода, необходимо обратиться к предыстории и контексту вопроса.

Приходом считался территориальный округ, а также община жителей этого округа, «приходящих» к храму. В таком значении слово «приход» начало употребляться в XV веке.²⁰⁴ Приход являлся первичной церковно-административной единицей²⁰⁵ и именно той структурой Церкви, с которой имел дело в своей повседневной жизни православный русский человек. В Древней Руси приход имел широкие права: как пишет в одной из своих работ известный церковный писатель и исследователь прихода А. А. Папков, тогда в собственности прихода находились храмы и церковное имущество, а власть епископа сводилась лишь к сбору различных пошлин. Миряне-прихожане брали на себя содержание священно- и церковнослужителей, устройство приходских домов для причта, а значит, имели широкое влияние в церковно-

²⁰² Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 213-214.

²⁰³ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 232-233.

²⁰⁴ Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI-XVII веках. М., 2002. С. 235.

²⁰⁵ Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700-1917). М., 2003. С. 28.

общественных делах. Прихожане могли самостоятельно избирать себе священников (впоследствии это право было закреплено решениями Стоглавого Собора и Духовным Регламентом). Всё это вело к насыщенной и сплоченной внутренней жизни прихода, что выразилось в организации «братчин» — собраний прихожан для празднования богослужебных дней и решения текущих вопросов. Братчины обладали судебными правами, и сам приход являлся юридическим лицом и был способен защитить свои интересы²⁰⁶. Таким образом, важнейшими чертами древнерусского прихода были его юридический статус и насыщенная неформальная жизнь, тесная сплоченность членов прихода.

В упадок приход приходит, по мнению Папкова, в период XVIII–первой половине XIX-м веков. В числе факторов, способствовавших этому, историк выделил:

— «отнятие в 1808 г. “экономических” сумм у приходских церквей (около 6 миллионов). Вместе с отрицанием права собственности отдельных приходских церквей на их капиталы и доходы, существенно нарушилось и самоуправление церковных общин, и выборная должность церковного старосты утратила свое прежнее представительное значение»²⁰⁷;

— узость толкования властями использующегося в гражданском законодательстве понятия «церковь» (в значении храма, как места и учреждения для богослужений, и игнорирование его второго смысла: собрание верующих). Как отмечал Папков, «всякая узость в понимании христианских дел и интересов <...> совершенно несовместима с духом христианства...»²⁰⁸

Именно в историческом прошлом церкви Папков видел пути для возрождения приходской жизни. Историк писал: «История общественной церкви указывает как на средства её благосостояния на то участие в её

²⁰⁶ Папков А. А. Необходимость обновления православного церковно-общественного строя. // Русский вестник, июнь, 1902 г. URL: <http://favor2.chat.ru/hist39ap.htm> (дата обращения: 07.05.2016).

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Папков А. А. Необходимость обновления православного церковно-общественного строя. Русский вестник, июнь, 1902 г. // <http://favor2.chat.ru/hist39ap.htm> (дата обращения: 07.05.2016).

хозяйстве, которое принимало в нём общество верных, имевшее особые для сего учреждения»²⁰⁹. Папков полагал, что необходимо вернуть приходу статус свободной церковной общины и не видел канонических препятствий для таких перемен²¹⁰.

Ракурс, в котором исследователь рассматривал пути реформирования церковной ячейки, был чрезвычайно популярен в начале XX-го века. Основным обвинением, выдвигаемым обществом к церковному приходу, являлось то, что, по выражению Л. А. Тихомирова, он «совершенно утратил свое истинное значение первой ячейки Церкви»²¹¹, что значительно подрывало внутреннее устройство и авторитет последней. И тот факт, что приход не обладал правами юридического лица, безусловно мешал ему установить крепкие связи с прихожанами. Находим у Папкова: «Такое равнодушие прихожан к делам своей церкви, очевидно, истекает из полнейшего их безучастия в хозяйственном управлении»²¹².

Имеет смысл выделить несколько крупных вех в рамках дискуссии о реформе прихода в начале XX-го века:

— Разработка вопроса русскими архиереями, получившая отражение в «Отзывах епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе». Одной из тем, по которой высказывались представители высших чинов духовенства Православной Российской Церкви, было каноническое значение прихода, его юридическое положение и стоящие перед ним задачи. Большинство архиереев соглашались с необходимостью «оживления» прихода, возвращения ему статуса основной ячейки церковной жизни, наделения правами юридического лица;

— Обсуждение реформирования прихода на Предсоборном Присутствии в 1906-м году. Этой теме были посвящены заседания IV отдела, председательствовал на которых епископ Стефан Могилевский. Уже на

²⁰⁹ Папков А. А. Начало возрождения церковно-приходской жизни в России. М.: Москва, 1900. С. 6.

²¹⁰ Папков А. А. Необходимость обновления православного церковно-общественного строя. // Русский вестник, июнь, 1902 г. URL: <http://favor2.chat.ru/hist39ap.htm> (дата обращения: 07.05.2016).

²¹¹ Тихомиров Л. А. Церковный приход в России // Московские ведомости. 1902. 29 августа.

²¹² Папков А. А. Начало возрождения церковно-приходской жизни в России. М.: Москва, 1900. С. 8.

первом заседании основная задача приходской реформы была определена таким образом: «возродить приход как церковную общину, сплоченную вокруг своего приходского храма и пастыря и одушевленную общностью духовных интересов».²¹³ В данном определении особенно важными представляются два слова: «общинность» и «общность». Такой ракурс вполне отвечал видению Папкова. Каким образом достичь этой «общинности» и «общности»? Двумя путями: с помощью внешнеправовых мер (наделение прихода правами юридического лица, устройством общинного самоуправления)²¹⁴ и, по выражению Фирсова, «путем подъема пастырской деятельности духовенства»²¹⁵. Что касается первого, внешне правового аспекта, то здесь было принято положение о том, что «Православная Российская Церковь является собственником всего церковного, причтового и приходского имущества. В приходах же заведование местным церковноприходским имуществом вверяется приходу как юридическому лицу, состоящему из причта и прихожан местного храма, находящихся в канонической зависимости от епархиального епископа»²¹⁶. Таким образом, юридическая сторона вопроса у клириков особых разногласий не вызвала.

Что касается концептуальной стороны, то в ходе заседаний Предсоборного Присутствия к рассмотрению были предложены пять определений прихода: А. И. Алмазова, И. С. Бердникова, П. В. Знаменского (впоследствии снятое и не рассматриваемое в ходе заседаний), А. А. Папкова и П. И. Остроумова. Клирики проголосовали за представляющееся им оптимальным, и в Нормальный Устав 1906-го года вошла дефиниция профессора Духовной Академии А. И. Алмазова: «Православный приход есть церковное учреждение, состоящее в ведении епископа, для удовлетворения

²¹³ Журавский А. В. Приход в Русской Православной Церкви. XX век. Православная энциклопедия под общей редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2000. С. 277.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 233.

²¹⁶ Журавский А. В. Приход в Русской Православной Церкви. XX век. Православная энциклопедия под общей редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2000. С. 277.

религиозно-нравственных нужд определенного в числе собрания христиан, под пастырским руководством священника и при назначенном для того церковной властью храме»²¹⁷. Данное определение оказалось более консервативным по сравнению с прогрессивными предложениями Папкова, настаивавшего на понимании прихода, как живого организма, в котором на основании христианской любви и общности духовных интересов и целей сотрудничают клирики и миряне. Определение Алмазова отдавало дань институциональному аспекту вопроса и оставляло в стороне «общинную» природу прихода. Акцентируя внимание на «удовлетворении религиозно-нравственных нужд», Алмазов, по меткому замечанию молодого исследователя, сводит приход к учреждению, а клириков — к «исполнителям»²¹⁸, что потенциально подрывает приходской авторитет, провоцирует безразличное и потребительское отношение и нивелирует сакральные смыслы, заложенные в определении православного прихода.

Позиции Папкова и Алмазова отражают два подхода: условно говоря, «прогрессивный» (А. А. Папков, П. А. Ровинский, П. П. Кудрявцев, архимандрит Михаил (Семенов) и др.) и «охранительный» (А. И. Алмазов, И. С. Бердников, Л. А. Тихомиров, М. А. Остроумов и др.), выделившиеся в дискуссии о православном приходе в начале XX-го века. Для первой группы было важно повышение роли мирян в приходской жизни, обширные реформы «снизу». Часто, как отмечал А. В. Журавский, этот вопрос связывался с «коллегиальной формой правления на всех уровнях церковной власти»²¹⁹. Вторая обозначенная нами группа придерживалась иной точки зрения: здесь речь шла о «реформе сверху», «предоставлении приходу

²¹⁷ Журналы и протоколы заседаний высочайше утвержденного Предсоборного Присутствия: В 4 т. СПб., 1906–1907. Т. 3, Ч. 1. С. 386.

²¹⁸ Алексин К. Приход: община или учреждение? (Дискуссия в Предсоборном присутствии) URL: <http://pstgu.ru/download/1343898520.stat.pdf> (дата обращения: 18.05.2016).

²¹⁹ Журавский А. В. Приход в Русской Православной Церкви. XX век. Православная энциклопедия под общей редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2000. С. 276.

свободы, ограниченной каноническими нормами церковного устройства, и сохранения единства прихода со священноначалием»²²⁰.

Почему в результате заседаний Предсоборного Присутствия победило определение Алмазова, сказать сложно. Автор данного исследования усматривает в этом очевидное противоречие: куда более созвучным духу заседаний IV-го отдела представляется определение, предложенное в ходе заседаний А. А. Папковым: «Приход в составе клира и мирян есть особая церковная в зависимости от епархиального епископа община с правами юридического лица».²²¹ Как отмечал наш современник, игумен Филарет (Сквородин), «члены IV Отдела главную задачу приходской реформы видели в возрождении прихода как церковной общины, объединенной вокруг храма и пастыря и одушевленной общностью духовных интересов»²²².

Обращаясь к дискуссии в периодической печати, отметим, что данная позиция была близка кадетской газете «Речь», «Биржевым ведомостям», «Новому времени»²²³. «Русские ведомости» также соглашались с такой постановкой вопроса. В одной из своих статей, размышляя о пути Церкви, Сергей Мельгунов обратился к запискам К. П. Победоносцева и С. Ю. Витте, представленным в комитет министров по поводу проектировавшейся реформы господствующей церкви. Мельгунов был склонен согласиться с графом Витте в том, что «для того, чтобы выдержать предстоящую борьбу с иновением, необходимо возрождение самой церкви, устранение “вялости внутренней церковной жизни”. Необходимо оживление деятельности приходов, восстановление начала соборного управления церкви, согласно канонических правил»²²⁴.

²²⁰ Там же.

²²¹ *Заозерский Н.* Что есть православный приход и чем он должен быть. Сергиев Посад: Склад изд. в кн. маг. М. С. Елова, 1912. С. 3.

²²² *Сквородин Филарет*, игумен. К истории обсуждения приходской реформы во второй половине XIX – начале XX вв. // Научный богословский портал Богослов.ru. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/print/2605733.html> (дата обращения: 12.02.2016).

²²³ *Журавский А. В.* Приход в Русской Православной Церкви. XX век. Православная энциклопедия под общей редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2000. С. 276.

²²⁴ *С. М.* Из книги и жизни // Русские ведомости. 1909. № 28. 5 февраля. С. 4.

Власть прекрасно осознавала необходимость реформ в сфере приходской жизни. В 1907 г. при Синоде работало Особое совещание по вопросу о православном приходе, задачей которого была выработка своего проекта приходского устава. В организации этого органа было заинтересовано правительство и Николай II, кроме того, как отмечал А. Л. Беглов, была и ещё одна имплицитная причина для его созыва: неудовлетворенность Синода «Проектом нормального устава православных приходов в России», который стал итогом заседаний IV отдела Предсоборного Присутствия²²⁵. Документ, выработанный Особым совещанием, получился компактнее и сохранил основные положения проекта Предсоборного Присутствия, однако было и существенное отличие: «Совещание отклонило предложение Общего собрания Присутствия считать верховным собственником церковного имущества, в том числе и приходского, всю Российскую Церковь»²²⁶. В этом аспекте Особое совещание допустило некоторую неясность: имущество прихода принадлежало храму или общине, однако, если их больше не существовало, оно должно было переходить приходу – каким образом и на основании какой юридической базы не пояснялось²²⁷.

По окончании работы Совещания проект неоднократно перерабатывался: в последующие четыре года каждый новый обер-прокурор стремился внести свой вклад в разработку этого документа. Так в 1908 г. появилась редакция обер-прокурора П. П. Извольского, в 1910 г. – С. М. Лукьянова и, наконец, в 1912 г. представил своё видение реформы В. К. Саблер²²⁸.

²²⁵ Беглов А. Л. Особое Совещание для выработки проекта о православном приходе 1907 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия «История. История Русской Православной Церкви». 2012. Вып. II: № 5(48). С. 42.

²²⁶ Беглов А. Л. Особое Совещание для выработки проекта о православном приходе 1907 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия «История. История Русской Православной Церкви». 2012. Вып. II: № 5(48). С. 60.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Беглов А. Л. Духовное ведомство и приходские институты: проект положения о православном приходе в редакции В. К. Саблера 1912 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2013. Выпуск 7 (23). URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000560-5-1> (дата обращения: 12.02.2016).

Уже в августе 1911-го года в печать попала информация о том, что работа нового обер-прокурора над проектом завершилась. Одна из ведущих газет, «Новое время», анализируя новую версию законопроекта, отмечает, что Синод сузил определение прихода, что закономерно привело и к уменьшению масштаба его задач²²⁹. Суворинская газета осторожно критиковала законопроект, с сожалением отмечая, что он не предоставляет приходу «право ведать всеми, без исключения, приходскими суммами», что газета признает одно из необходимых условий оживления приходской жизни²³⁰. «Русские ведомости» оценивали законопроект ещё резче. Мельгунов писал: «Обер-прокурор синода В. К. Саблер выработал законопроект о приходской реформе, но о реформе, которая ничего не меняет и все оставляет на своих местах. Этот законопроект не дает приходу как раз наиболее важных прав, осуществлением которых особенно дорожили сторонники реформы прихода,— права выбора священника и права заведывания церковным имуществом <...>. Получается мертворожденная реформа, которая никому не нужна и никого не удовлетворит»²³¹. «Русские ведомости» с сожалением отмечали, что такая постановка вопроса характерна для современной политики: власть повернула назад и обещанная в 1905-м году коренная реформа церковного управления реализуется «в таких формах, которые имеют очень мало общего с первоначальными проектами. Созыв церковного собора был отложен в долгий ящик, а реформа прихода превратилась в нечто вроде простой канцелярской отписки»²³².

²²⁹ Проект реформы прихода. I // Новое время. 1911. № 12728. 19 августа. С. 3.

²³⁰ Проект реформы прихода. II // Новое время. 1911. № 12730. 21 августа. С. 3.

²³¹ О реформе прихода // Русские ведомости. 1911. № 174. 28 июля. С. 2.

²³² О реформе прихода // Русские ведомости. 1911. № 174. 28 июля. С. 2.

2.6. Церковное образование в начале XX-го века: законодательные инициативы, основные векторы общественной дискуссии и их оценка либеральной газетой «Русские ведомости»

Рассуждая о путях реформирования прихода, особое внимание газета уделяла личности пастыря, стоящего в его главе, и, если смотреть на вопрос более широко, общему уровню образованности представителей Церкви. Последний газета оценивала крайне низко, что, увы, было вполне заслуженно: как свидетельствуют ежегодные издания «Состава Святейшего Синода и российской иерархии», даже Синод устанавливал невысокий образовательный ценз для своих членов: например, в 1905-м год лишь первенствующий член Синода митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) имел высшую ученую степень доктора церковной истории.

Повышение уровня образованности духовенства «Русские ведомости» считали важнейшим пунктом церковного реформирования. В. Уланов, регулярно публиковавший в газете циклы статей на тему церковного образования, находил истоки низкой образованности духовенства в историческом прошлом России, когда «невежество было признано как бы опорой церкви»²³³. Публицист заявлял: «Для всякого без предвзятых целей отправляющегося в экскурсию по отмеченному памятниками историческому пути вывод ясен: невежество духовенства, как хроническое явление в нашей церкви, было источником многих “недочетов” в ней: широкое и всестороннее образование духовенства как учительского класса, - вот тот прямой путь, который должен положить конец историческим блужданиям»²³⁴. Разработку вопроса о церковном образовании можно условно разделить на два пласта: реформу церковно-приходских школ и реформу высшего богословского образования. Рассмотрим позиции «Русских ведомостей» по обоим векторам реформирования.

²³³ Уланов В. Исторические заслуги учительского класса // Русские ведомости. 1910. № 255. 5 ноября. С. 2.

²³⁴ Уланов В. Церковь и общество // Русские ведомости. 1910. № 71. 28 марта. С. 6.

Начиная разговор о церковно-приходской школе, будет уместно сказать пару слов о её истории. Церковно-приходская школа – это учебное заведение, дающее начальное образование и существующее при приходе. Появилась она в начале XIX столетия: обширные преобразования в сфере светского образования, проводимые властями в этот период, форсировали и реформирование духовной школы²³⁵. Комитетом по усовершенствованию духовных училищ, в который вошли статс-секретарь М. М. Сперанский, обер-прокурор А. Н. Голицын и ряд представителей церковной иерархии, был подготовлен план всесторонних преобразований, в основе которого было разделение духовного образования на три ступени. Если до этого желающие получить его вне зависимости от возраста обучались в одних и тех же учебных заведениях, то после реализации проекта высшее богословское образование (к которому мы обратимся ниже) отделилось от среднего (семинарии) и низшего (уездные духовные училища). Также комитетский план предусматривал создание в благочинных округах приходских училищ, в которых должны были давать основы письма, чтения, арифметики и т.д.²³⁶ Школы, за которыми закрепилось название церковно-приходских, активно развивались в первой половине XIX-го века. Как сообщает БСЭ, в середине 60-х годов их насчитывалось уже более 20 тысяч²³⁷.

Не всех устраивало распространение церковно-приходских школ. В 70-е годы министерство народного просвещения попыталось подчинить их себе, и многие школы тогда перешли под опеку земств. Однако правила о церковно-приходских школах 1884-го года вновь вывели их из подчинения министерству и передали в ведение училищного совета, учрежденного при Святейшем Синоде²³⁸.

²³⁵ Свящ. Козлов М. Духовное образование. XVII – XX вв. Православная энциклопедия под общей редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2000. С. 411.

²³⁶ Там же.

²³⁷ Фуров В. Г. Церковно-приходские школы. Большая советская энциклопедия // URL: dic.academic.ru/dic.nsf/bse/148820/Церковно (дата обращения: 19.05.2016).

²³⁸ Церковно-приходские школы // Российский общеобразовательный портал. URL: http://museum.edu.ru/catalog.asp?cat_ob_no=13058&ob_no=12883 (дата обращения: 26.06.2016).

В начале XX-го века церковно-приходскую школу постигли новые потрясения: ассигнования на неё существенно сократились из-за русско-японской войны, кроме того, школа столкнулась с недружелюбным настроением Государственной Думы, от которой зависело её финансирование.

В изучаемый нами период вокруг церковно-приходских школ велась острая полемика. Для Церкви было принципиально удержать контроль над ними. Протоиерей В. С. Рожков объяснил основные идеи, лежащие в основе церковной политики в этом вопросе: «Система церковно-школьного просвещения в корне своём выросла из того факта, что в России Церковь и государство не разделены; в силу этого и стало возможным то, что народное образование, как государственная функция, в смысле усвоения каждому гражданину благ культуры, совпало с функцией душепопечения в призвании Церкви, – совпало <...> в смысле возможности гармонического осуществления того и другого силами Церкви»²³⁹. В ходе активного обсуждения вопроса о всеобщем начальном образовании на законодательном уровне шла острая дискуссия о церковно-приходских школах: их проблемах, управлении и развитии.

Обратимся немного к истории вопроса. В начале 1907-го года тогдашний министр народного просвещения П. М. фон Кауфман предложил Думе законопроект о всеобщем обучении, предполагавший расширить сеть начальных народных школ путём увеличения ежегодного кредита из государственного казначейства на эти цели. Претерпев незначительные изменения, в 1908-м году эта законодательная инициатива привела к тому, что 15 марта Государственная Дума отпустила 7 млн. руб. на ассигнование земско-министерских народных школ, тогда как вопрос о кредитах на церковно-приходские школы оставался открытым²⁴⁰. Духовенство болезненно воспринимало стремление Думы третьего созыва укрепить

²³⁹ Прот. Рожков В. Церковные вопросы в Государственной Думе. М., 2004. С. 125.

²⁴⁰ Прот. Рожков В. Церковные вопросы в Государственной Думе. М., 2004. С. 129-131.

положение светской школы. Уже в 1908-м году епископ Митрофан, выступая в Государственной Думе, «с горечью говорил о попытках «подвергнуть церковную школу измору», под различными предлогами откладывая назначение субсидий, без которых она не может развиваться и существовать; о «стремлении скрытым образом объединить церковные школы в другом ведомстве, не спросившись даже у того ведомства, которое их создало»²⁴¹.

Действительно, 19 декабря 1908-го года в Думу был внесен «Проект положения о школах», авторы которого считали, что дело народного образования должно находиться в ведении Министерства народного просвещения²⁴². С этого момента вопрос о самостоятельности церковно-приходских школ становится центральной темой полемики о народном образовании, которому Дума третьего созыва уделила особенное внимание.

Какие аргументы выдвигали защитники и противники церковно-приходских школ?

Еще в 80-е годы XIX-го века видным идеологом церковно-приходской школы стал российский ученый и педагог С. А. Рачинский. Он писал: «Русский народ — народ глубоко верующий, и первая из его практических потребностей, наряду с удовлетворением нужд телесных, есть общение с Божеством. <...> Не театр ему нужен, а церковь, достойная своего высокого назначения, и школа, раскрывающая перед ним сокровища церкви»²⁴³. Эта обращенность церковно-приходской школы к духовному бытию русского человека, её воспитательная, «душеспасительная» функция — вот ключевые, концептуальные моменты, часто выделяемые защитниками церковно-приходской школы.

Тесно сопряжен с этими факторами ещё один важный аргумент: позитивное влияние церковно-приходских школ на религиозность народа. Как считал епископ Митрофан, «их программы были не хуже программ

²⁴¹ Прот. Рожков В. Церковные вопросы в Государственной Думе. М., 2004. С. 131.

²⁴² Прот. Рожков В. Церковные вопросы в Государственной Думе. М., 2004. С. 138.

²⁴³ Рачинский С. А. Народное искусство и сельская школа // Церковное пение пореформенной России в осмыслении современников (1861–1918). Сост. Наумов А. А., Рахманова М. П. М., 2002. С. 349.

других школ, а качество религиозно-нравственного воспитания – несравненно выше. Если не поддержать церковно-приходскую школу <...> влияние пастыря на народ понизится»²⁴⁴.

Кроме того, как отмечал, защищая в Государственной Думе церковно-приходскую школу, епископ Евлогий, она «служит делу народного просвещения для всех, без различия, и в своем служении не отличает эллина от иудея»²⁴⁵.

Что касается критики, выдвигаемой церковно-приходской школе, то её основные векторы касались:

— разобщенности системы начального школьного образования и необходимости упорядочить её и сосредоточить управление начальными учебными заведениями в одних руках (Министерства народного просвещения);

— неудовлетворительного качества образования в церковно-приходских школах (некоторые её выпускники зачастую не знали грамоты, а общий уровень образованности педагогического состава оставлял желать лучшего);

— реакционности самого учреждения церковно-приходской школы, её вредности для дела развития земских учреждений. Как писал Н. Н. Львов, вспоминая первую попытку министерства народного просвещения взять церковно-приходские школы под свой контроль, «школа духовного ведомства есть именно порождение 1880-х годов, эпохи реакции, и именно этой школой был нанесен удар земским учреждениям. Не видеть этого нельзя; и если теперь Государственная Дума сделает то или другое постановление, это значит, что она перетянет чашу весов или на сторону земств, которые вели свою упорную напряженную борьбу с

²⁴⁴ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 370.

²⁴⁵ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 370.

бюрократическим началом, или на ту сторону, которая всегда была врагом земства и общественного начала»²⁴⁶.

«Русские ведомости» решали вопрос о церковно-приходских школах не в пользу Церкви. Издание считало, что церковная школа задумывалась и реализовывалась как плохая копия школы светской. Находим у Уланова: «Постановка церковно-школьного дела организована, по словам Калужск. Церк.-Общ. Вестника, на расчете: сделать все дешево, но если не хорошо, то по крайней мере, как у соседа, министерства народного просвещения»²⁴⁷.

Обращаясь к истории вопроса церковного образования с самых начал христианской церкви и обобщая западноевропейский опыт, публицист Н. Сперанский на страницах либерального издания доказывал, что народное образование не является обязанностью клира и приносит только вред, находясь в его руках: «...Церковь и школа могут жить в мире и развиваться согласно внутренним требованиям своего дела лишь при условии полной раздельности в управлении этими областями духовной жизни. Слияние же этого управления в одних руках влечёт за собою явный ущерб и для самой церкви, и для школы, и для всего социального порядка»²⁴⁸. Насколько правдивым являлся подобный тезис для православной России, в которой пастырь для своего крестьянина всегда был больше, чем просто духовным лицом? Как нам представляется, «Русские ведомости» несколько односторонне оценивали церковную школу, не давая ей ни малейшего шанса на существование. Рассматривая её с позиций либерализма, редакция отказывалась видеть глубинный смысл и потенциал церковной школы: для «профессорской газеты» она являлась не более чем атавизмом, посягательством Церкви на чуждую ей сферу социальной жизни, живым свидетельством ретроградских явлений в сфере образования. «Русские ведомости» оценивали церковно-приходскую школу с позицией «что она

²⁴⁶ Государственная Дума 3-го созыва. Стенографический отчет. Сессия 1. 4.1. С. 1132.

²⁴⁷ Уланов В. Церковная школа // Русские ведомости. 1908. № 256. 4 ноября. С. 3.

²⁴⁸ Сперанский Н. Церковь и школа // Русские ведомости. 1908. № 73. 28 марта. С. 5-6.

есть», обходя стороной вопросы «чем она задумывалась», «чем она должна быть» и «как она могла бы развиваться в благоприятных условиях».

Рассмотрим конкретнее, какие претензии предъявляли «Русские ведомости» к находящейся в руках Церкви школе? В цикле статей по теме церковного образования (1908–1909 гг.) В. Уланов отмечал:

— крайне неудовлетворительный уровень общей образованности выпускников церковно-приходских школ;

— лишенный «жизненности», формальный, а порой и халатный подход к образовательному процессу (газета приводила в качестве одного из подтверждений цитату из официального отчета: «По многим школам уездные наблюдатели замечают механическое изучение учебника (по Закону Божию), отсутствие назидательности и жизненности...»²⁴⁹;

— низкую квалификацию и падение нравственного духа учительского состава («Иерархи боятся просвещения, так как оно может вскрыть их собственное невежество»²⁵⁰);

— безразличие священников к живому делу народного образования («Священники не только манкируют преподаванием Закона Божия в церковной школе, но и не наблюдают за характером его преподавания другими»²⁵¹);

— управленческую дезорганизацию и неразбериху, творящуюся в школьных делах, «фактическую беззащитность работников внизу, а с другой стороны, произвол и деспотизм власть имущих»²⁵². Учитель, как писал Уланов, не имел в школе никакой власти: «Для него всякий чин — начальство, и следующая выписка из отчета наглядно выясняет дело: “Кроме наблюдателей, ревизировали школы члены отделений; посещали также оо. благочинные, попечители школы; в некоторых уездах — земские начальники, предводители дворянства и др.” Но глава сравнительно редких

²⁴⁹ Уланов В. Церковная школа // Русские ведомости. 1908. № 260. 8 ноября. С. 3.

²⁵⁰ Уланов В. Церковь и общество. III // Русские ведомости. 1910. № 71. 28 марта. С. 6.

²⁵¹ Уланов В. Церковная школа // Русские ведомости. 1908. № 260. 8 ноября. С. 3.

²⁵² Уланов В. Церковная школа // Русские ведомости. 1908. № 256. 4 ноября. С. 3.

набегов перечисленных блуждающих ревизоров бледнеет в сравнении с постоянным гнетом “хозяйничанья” священника»²⁵³.

Резюмируем: для публициста церковная школа являлась антонимом просвещения и церковности. Уланов подкрепляет своё мнение ссылками на мнения лиц, причастных к церковной школе, с которыми общался, разрабатывая свою тему. Итог его бесед был неутешителен: «...современные работники духовной школы, как и отчеты наблюдателей, откровенно сознаются в банкротстве духовенства как проводника потребного “направления” в церковной школе, а следовательно, в банкротстве самой церковной школы»²⁵⁴.

Несмотря на то, что в результате длительной дискуссии 9 февраля 1911-го года соответствующий законопроект о передаче церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения был принят Думой, в Государственном Совете он провалился, и спустя 11 месяцев обсуждений Советом лишь 8 из 128 статей первоначального думского законопроекта не были подвергнуты изменениям. Для «Русских ведомостей» провал законопроекта стал ещё одним знаком возвращения к дореформенным порядкам и признаком стагнации в деле церковного реформирования. Время подтвердило опасения издания: к военному 1914-му году, отодвинувшему на второй план все темы внутренней политики, вопрос о церковно-приходской школе так и не был решён в позитивном ключе.

Второй обозначенный нами ранее вектор критики церковного образования «Русские ведомости» направили на высшую духовную школу, констатируя «полное оскудение творческой мысли» как характерную черту отечественного богословия²⁵⁵. Это была крайне важная тема для русского общества того периода и для «Русских ведомостей», как издания общественно-политической направленности, в частности. Духовная школа в силу своей специфики играла важную роль в церковно-общественной жизни

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ Уланов В. Церковная школа // Русские ведомости. 1908. № 256. 4 ноября. С. 3

²⁵⁵ П-чь С. В духовной школе // Русские ведомости. 1909. 12 ноября. № 260. С. 2.

страны: будущие иерархи Православной Российской Церкви, миссионеры и её защитники, преподаватели духовных учебных заведений, — все они оканчивали духовные академии. Естественно, кризис, охвативший институт Православной Российской Церкви к началу XX-го века, не мог не затронуть её «кузницу кадров» и идейный центр, высшую духовную школу.

В новый век она вступила с Уставом 1884-го года, характеристику которого следует давать в контексте. Поэтому обратимся к истории вопроса.

Во времена царствования Александра II в высшем богословском образовании произошли обширные преобразования. В 1866 году был составлен новый учебный Комитет при Святейшем Синоде, основной задачей которого была разработка мер по усовершенствованию духовных училищ. Возглавил его митр. Киевский Арсений (Москвин). Комитет предложил уставы семинарий и духовных училищ, а в 1869-м году увидел свет и устав духовных академий. Преобразовывалась сама система управления духовной школой. Академические учебные округа упразднялись, и семинарии выходили из-под управления Академий. Освобождались они и от обязанностей духовной цензуры²⁵⁶. Это сильно разгрузило высшую духовную школу и позволило ей сосредоточиться на деле образования и воспитания. Как отмечал современный исследователь Церкви иеромонах Петр (Алексеев), «Устав 1869 года <...> предполагал широкий круг позитивных преобразований в академической жизни»²⁵⁷. К этим позитивным изменениям можно отнести:

- принципы коллегиальности и самоуправления, положенные в основу системы внутреннего управления Академий;
- введение академических советов;

²⁵⁶ Свящ. Козлов М. Духовное образование. XVII – XX вв. Православная энциклопедия под общей редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2000. С. 413.

²⁵⁷ Иеромонах Петр (Еремеев). Проблемы реформирования высшей духовной школы в России в начале XX века // Семинарская святоотеческая библиотека. URL: http://otechnik.narod.ru/eremovpr_1.htm (дата обращения: 12.02.2016).

- право академий самостоятельно выбирать ректоров и инспекторов которые затем утверждались Синодом²⁵⁸;
- расширение перечня преподаваемых дисциплин;
- новая схема обучения в Академии: три обязательных года для всех (после чего можно было принять сан или занять должность учителя в духовном училище) и четвертый курс – для наиболее успешных²⁵⁹.

Новый устав, ориентированный на подготовку и удержание в Академии лучших кадров, был позитивно встречен в церковных кругах и благотворно сказался на развитии духовных академий и богословской науки²⁶⁰.

А вот устав 1884-го года, разрабатывавшийся на фоне неблагоприятного политического климата, делал огромный шаг назад. Это было время, когда менялся политический курс правительства, а вместе с ним – и политика в области церкви. Профессор Петроградской духовной академии, доктор богословия Н. Н. Глубоковский, оценивал период введения нового устава как время, когда «живой организм превращался в механический агрегат, а «академия, как самостоятельное жизненное учреждение, упразднялось и системой, и лицами»²⁶¹. Новый устав упразднял специализацию и приват-доцентуру, исключал из программы ряд предметов, отменял публичные академические диспуты, а в плане административных изменений усиливал ректорскую и инспекторскую власть, отстраняя профессуру от живого участия в академической жизни, вводил полную подотчетность высшей школы архиерею²⁶².

²⁵⁸ Свящ. Козлов М. Духовное образование. XVII – XX вв. Православная энциклопедия под общей редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2000. С. 413.

²⁵⁹ Иеромонах Петр (Еремеев). Проблемы реформирования высшей духовной школы в России в начале XX века // Семинарская святоотеческая библиотека. URL: http://otechnik.narod.ru/eremovpr_1.htm (дата обращения: 12.02.2016).

²⁶⁰ Иеромонах Петр (Еремеев). Проблемы реформирования высшей духовной школы в России в начале XX века // Семинарская святоотеческая библиотека. URL: http://otechnik.narod.ru/eremovpr_1.htm (дата обращения: 12.02.2016).

²⁶¹ Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700-1917). М.: Русская панорама, 2003. С. 16.

²⁶² Иеромонах Петр (Еремеев). Проблемы реформирования высшей духовной школы в России в начале XX века // Семинарская святоотеческая библиотека. URL: http://otechnik.narod.ru/eremovpr_1.htm (дата обращения: 12.02.2016).

Естественно, изменения, постигшие высшую церковную школу в последней четверти XIX века, привели к росту недовольства в обществе церковным образованием. Как отмечал в своём сочинении иеромонах Петр (Еремеев), «в XX столетие российские Духовные Академии вступали с Уставом 1884 года и комплексом стремительно растущих и обостряющихся внутренних проблем и противоречий»²⁶³. Поэтому, когда в 1905-м году студенчество охватила волна массовых волнений, духовная школа не осталась в стороне.

В периодической печати изучаемого периода часто встречались сообщения о массовых уходах студентов из высшей церковной школы, волнениях в академиях и семинариях (степень радикальности семинаристов можно оценить, вспомнив, что с 60-х годов XIX века слово «семинарист» часто использовалось для обозначения типичного «шестидесятника»). Приходится отметить, что высшее богословское образование в России начала XX века не отвечало умственным и духовным запросам молодых людей. Находим в «Русских ведомостях»: «Нет студенческих споров, решения мировых вопросов, нет молодого задора, — вообще того, чем красна студенческая жизнь; даже песен не поют. Атмосфера взаимного недоверия, угрюмого молчания и затаенных дум, а далее — отстаивание длинных монастырских служб, зубрение уроков, прохождение известным образом обработанных дисциплин. В результате — стремление уйти из заведения»²⁶⁴. Издание считало, что Церковь сама разваливала высшую церковную школу, предлагая для её воспитанников невыносимые условия косности и ретроградства, подменяя образование в духе подлинной религиозности бездушным и лживым соблюдением внешней обрядности. В целом позицию церковной власти либеральная газета обозначила так: «Стремление к высшему знанию, к истине считается недопустимым для лиц духовного

²⁶³ Иеромонах *Петр (Еремеев)*. Проблемы реформирования высшей духовной школы в России в начале XX века // Семинарская святоотеческая библиотека. URL: http://otechnik.narod.ru/eremovpr_1.htm (дата обращения: 12.02.2016).

²⁶⁴ *Григорьев А.* Из области ежовых рукавиц // Русские ведомости. 1910. № 247. 27 октября. С. 4.

звания; участь духовных — довольствоваться теми сведениями, какие им предлагаются в духовных училищах, и оставаться в стороне от более широкого и глубокого знакомства с наукой, с философской мыслью, с умственным движением в среде передовых народов человечества»²⁶⁵. Публицисты «Русских ведомостей» осуждают стремление церковной власти законсервировать духовенство в малообразованном состоянии, отмечая, что повышение уровня образованности является необходимым условием, выдвигаемым реалиями современной жизни: «Надо быть слепым, чтобы не усмотреть, что среди нашего духовенства за последние годы чрезвычайно возросла потребность в более широком образовании, чем то, которое давала до последнего времени наша духовная школа, занимавшаяся преимущественно “атрофированием мозгов”»²⁶⁶.

Между тем, церковная иерархия, управлявшая Академиями, недооценивала значение реформ высшей духовной школы. В частности, в уже не раз упоминаемых нами «Отзывах епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе» лишь немногие из них уделили внимание этой сфере, причем пожелания касались в основном необходимости не допустить автономию высшей духовной школы.

Дискуссия о судьбе высшего богословского образования в начале XX-го века была тесно связана со спором об автономии высшей духовной школы. «Автономисты», которых иером. Петр (Еремеев) назвал «выразителями духа своего времени»²⁶⁷, выступали за автономию как учебно-научной, так и административной жизни высших церковных учебных заведений, избавлении их от власти архиереев и архимандритов. Большинство преподавателей российских Духовных Академий разделяли эти идеи, на позиции «автономистов» стояла и либеральная газета «Русские ведомости». Требования автономистов явились результатом недовольства Уставом 1884-

²⁶⁵ Профессор. Нужно ли высшее образование духовенству? // Русские ведомости. 1908. № 156. 6 июля. С. 2.

²⁶⁶ С. М. О «вреде» автономии для духовных академий // Русские ведомости. 1909. № 21. 27 января. С. 2.

²⁶⁷ Иеромонах Петр (Еремеев). Проблемы реформирования высшей духовной школы в России в начале XX века // Семинарская святоотеческая библиотека. URL: http://otechnik.narod.ru/eremovpr_1.htm (дата обращения: 12.02.2016).

го года и общих революционных настроений в стране. Как отмечал иером. Петр (Еремеев), «они во многом соответствовали требованиям, выдвигаемым светской ученой общественностью в отношении университетов»²⁶⁸.

Иной точки зрения на будущее высшей духовной школы придерживались представители двух других направлений: «охранители» и «ревнители». Первых устраивал Устав 1884-го года и страшила угроза превращения церковной школы в светскую. По их мнению, необходимо было охранять Духовные Академии от реформ, могущих повлечь за собой обмирщение²⁶⁹.

Вторые также не принимали идей самоуправления, децентрализации и выборности, но делали упор не на внешней стороне вопроса, а «на практических духовных и пастырско-миссионерских задачах»²⁷⁰.

Волнения в Академиях, прокатившиеся по стране в начале века, поставили перед церковными властями вопрос академической реформы ребром, и в 1905-м году начала работу Комиссия, собравшая профессоров духовных Академий и призванная подготовить проект академической реформы. Результатом деятельности комиссии явились «Временные правила» 1906-го года, близкие по духу к Уставу 1969-го года и ставшие своеобразной уступкой Синода бунтующему студенчеству и «автономистам». Конечно, данные правила не отражали истинных настроений синода, и вместе со стабилизацией политической ситуации происходил постепенный отказ от курса на реформы в Духовных Академиях. Уже в 1908 году по ним прокатилась ревизия, вскоре после которой Временные Правила отменили. Не изменяя своей критической позиции, «Русские ведомости» были крайне разочарованы обратным ходом реформ в сфере высшего церковного образования. В 1909-м году издание

²⁶⁸ Иеромонах *Петр (Еремеев)*. Проблемы реформирования высшей духовной школы в России в начале XX века // Семинарская святоотеческая библиотека. URL: http://otechnik.narod.ru/eremovpr_1.htm (дата обращения: 12.02.2016).

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ Иеромонах *Петр (Еремеев)*. Проблемы реформирования высшей духовной школы в России в начале XX века // Семинарская святоотеческая библиотека. URL: http://otechnik.narod.ru/eremovpr_1.htm (дата обращения: 12.02.2016).

констатировало: «Итак, мы накануне похорон автономии высшей школы духовного ведомства, данной 3 года назад»²⁷¹. Предложенные проекты газета оценивала крайне негативно. «Все новые мероприятия духовного ведомства относительно академий направлены исключительно к тому, чтобы изгнать оттуда “светское направление” и преобразовать академии в конфессиональные школы “старого церковного направления» — писали «Русские ведомости»²⁷².

Итог оценки государственной политики в сфере реформы церковного образования для либеральной газеты неутешителен. Как и для всего курса церковно-государственных отношений в целом, по этому важному вопросу газета отметила постепенный отказ от зачатков либерализма и уверенный поворот в сторону реакции.

²⁷¹ С. М. О «вреде» автономии для духовных академий // Русские ведомости. 1909. № 21. 27 января. С. 2.

²⁷² П-чь С. В духовной школе. Русские ведомости. 1909. 12 ноября. № 260. С. 2.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном исследовании был проанализирован опыт церковно-государственных взаимоотношений начала прошлого столетия в осмыслении либеральной журналистики.

Автор решал поставленные перед ним в ходе исследования задачи:

1. Был проведён анализ развития церковно-государственных отношений в России и выявлены истоки проблематики исследуемого периода. Сформулируем основные выводы:

— Византийская идея симфонии властей была успешно перенята Православной Российской Церковью. Падение Константинополя и начало автокефалии Русской Церкви вызвало необходимость адаптировать эту идею в новых исторических условиях. Это с успехом было реализовано: теория симфонии укрепилась на национальной почве, а Московская Русь и православный царь стали восприниматься, как гаранты сохранения чистоты православия. Особо подчеркивался сакральный смысл царской власти. В этот период государство и Церковь были партнерами и в своей политике опирались на общий нравственный идеал. Вмешательство государства в дела Церкви было естественным и никем не воспринималось как аномалия, при этом характер церковно-государственных отношений не регламентировался никакими законодательными нормами.

— Церковная реформа Петра I изменила саму сущность церковно-государственного взаимодействия, сделав Церковь частью государственного аппарата и поставив перед ней задачу служения государству. Большинство современников и исследователей сходились во мнении, что именно в церковной реформе Петра брали начало ненормальности, связанные с церковно-государственными отношениями в России. После неё Поместные Соборы Русской Церкви, вопреки канонам, не проводились более 200 лет. Дискуссия о сложившемся положении велась всё это время и особенно активно — в начале XX-го века.

— На протяжении синодального периода роль института обер-прокуратуры существенно трансформировалась. Изначальная задумка Петра I не предполагала обширных управленческих возможностей для обер-прокурора, однако в ходе исторического процесса его влияние расширилось и он получил весомую власть в решении церковных вопросов. Особенного могущества институт обер-прокуратуры достиг во время нахождения на этой должности Константина Петровича Победоносцева. «Русские ведомости» крайне негативно оценивали период его обер-прокурорства, считая, что политика Победоносцева эксплицировала все недостатки церковного строя: «Кризис этого строя — давний, хронический. Система К. П. Победоносцева, стремившаяся сделать православную церковь частью государственной организации, а работу этой последней подчинить принципу принудительной церковности, скрывала в себе глубокое недоверие к внутренним силам правящей церкви»²⁷³.

2. В ходе исследования были изучены ключевые векторы церковного реформирования начала XX-го столетия. Их условно можно разделить на две группы: реформы, касающиеся внутреннего устройства Православной Российской Церкви, и преобразования, связанные реалиями конституционного государства и адаптацией Церкви к ним. К первой группе относятся вопросы канонического устройства Церкви, церковного управления, юридического статуса прихода и приходской жизни, церковного образования, материального обеспечения духовенства, церковного суда, монастырской жизни. Вторую группу составляют вопросы взаимоотношений с другими конфессиями в условиях свободы совести, миссионерской работы. Отличительной чертой исследуемого периода является прямая корреляция между политической обстановкой и развитием вопроса о церковном реформировании. Наблюдаемая непоследовательность в отношении государства к преобразованиям церковного строя и паллиативный характер

²⁷³ Москва, 29 марта // Русские ведомости. 1912. 29 марта. № 73. С. 1.

законодательства в этой области были обусловлены беспокойным периодом для внешней и внутренней политики страны.

3. В центре дискуссии о церковно-государственных взаимоотношениях в исследуемый период — вопрос о созыве Поместного Собора Русской Церкви. Большинство просвещенного епископата считало Собор требованием времени, призванным положить конец подчиненному положению Православной Российской Церкви и решить накопленные за два века противоречия. Укрепление внутреннего устройства Церкви представлялось особенно важным на фоне развития других вероисповеданий в условиях свободы совести. Представители Церкви стремились к усилению её самостоятельности, при этом рассчитывали на продолжение государственной поддержки. По сути, они хотели получить больше власти, сохранив прежние преимущества. На противоположном полюсе стояли либералы, настаивавшие на отделении Церкви от государства и реализации принципов свободы совести в полном объёме. Представители консервативного течения выступали за сохранение прежней модели церковно-государственных отношений.

Полемику о церковных реформах можно условно разделить на два этапа. На первом этапе — до установления в стране конституционной монархии — в центре обсуждения находились вопросы свободы совести, общество было в ожидании реформ. Важнейшими вехами данного периода являются: религиозно-философские собрания, на которых русская интеллигенция совместно с представителями Церкви обсуждала духовные пути России; Отзывы епархиальных архиереев (документ, ставший поражением Победоносцева и продемонстрировавший стремление русского епископата к самостоятельности Церкви и возрождению канонического устройства); движение за обновление в Русской Церкви; записки митрополита Петербургского Антония Вадковского и председателя Совета министров С. Ю. Витте, их идейное противостояние с Победоносцевым, Предсоборное присутствие 1906-го года. Начало второго этапа мы связываем

с законодательными изменениями (указ от 17 (30) апреля «Об укреплении начал веротерпимости» и Высочайший Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка»). В этот период особое значение играла деятельность III Государственной Думы. Успех церковного реформирования во многом зависел от того, насколько эффективным будет взаимодействие правительства и российского парламента. В центре внимания Думы были тема церковного образования, старообрядческий вопрос, внутреннее устройство Православной Церкви и её отношения с другими конфессиями, реализация принципов свободы совести в России. Деятельность III Государственной Думы не увенчалась успехом: либеральные законопроекты не были реализованы, большинство церковных вопросов так и остались на стадии обсуждения. Вместе с ослаблением революционной напряженности в стране наблюдалось охлаждение интереса государства к актуальным вопросам церковного реформирования. Общественная дискуссия также теряла свою остроту: в начале 10-х годов никто уже всерьёз не надеялся на скорый созыв Собора.

4. Общественно-политическая газета «Русские ведомости» предложила либеральный подход к проблематике церковно-государственных отношений. Программа издания включала в себя: полную реализацию принципов свободы вероисповедания на территории России, то есть отказ от государственного покровительства Православной Российской Церкви и наделение всех конфессий империи равными правами; адекватную миссионерскую деятельность Церкви в новых условиях; немедленный созыв Поместного Собора и восстановление канонического строя; возрождение приходской жизни и наделение прихода правами юридического лица; обновление системы церковного образования на всех уровнях, грамотное перераспределение материальных ресурсов Церкви.

Издание критически оценило властные решения по всем указанным направлениям: Собор так и не был созван, реформа прихода заглохла в процессе хождения по законодательным институтам, экономическое

положение духовенства не было улучшено, система церковного образования не претерпела существенных изменений. С каждым годом тональность публикаций становилась всё негативней, редакция констатировала постепенный возврат к принципам полицейского государства в религиозной политике. «Программа Победоносцева вскоре была реставрирована, но реставрирована в новом стиле, вполне соответствующем псевдоконституционализму обновленного строя», — отмечали «Русские ведомости».

Журналисты издания были убеждены, что только воплощение в жизнь либерального лозунга «Свободная Церковь в свободном государстве» могло помочь Российской Православной Церкви найти внутренние ресурсы для возрождения. Однако приходится признать, что, отстаивая либеральные идеалы, газета не делала скидку на исторический опыт церковно-государственных отношений в России: ведь симфония властей была в нашей стране не только политической, но и духовной идеей. Кроме того, «Русские ведомости» рассматривали путь реформаторства в некотором отрыве от реалий современной российской действительности, как бы обходя стороной связь церковной политики с революционными и предвоенными настроениями, которые, несомненно, корректировали правительственный курс по всем направлениям внутренней политики. Обрушившаяся в 1914-м году на Россию война исключила болезненные вопросы церковного реформирования с повестки дня и со страниц «Русских ведомостей», захватив внимание общества темами внешней политики страны в суровых условиях военного времени²⁷⁴.

Опыт либерального издания в осмыслении церковно-государственных отношений в непростой для страны период может помочь найти новые ракурсы эффективного взаимодействия между государством и Церковью в современной светской России.

²⁷⁴ Манькова Е. В. «Газета “Русские ведомости” о церковном реформировании» // Клио. 2016. 22 апреля. № 4 (112). С. 13-21.

В дальнейшем автор планирует развивать тему данного исследования, обратившись к анализу её освещения двумя другими крупными непартийными газетами начала века: «Новым временем» и «Русским Словом».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

– Законодательные материалы

1. Законодательные акты переходного времени. 1904–1906 гг. СПб., 1907.
2. Полное собрание законов Российской империи: Собр. 3-е. Т. XXV: 1905. СПб., 1908.
3. Российское законодательство X-XX вв. Т. 9. М., 1994.

– Статистические источники

4. Статистический ежегодник России. 1913 г. Издание ЦСК МВД. СПб., 1914.

– Делопроизводственные документы

5. Государственная Дума 2-го созыва. Обзор деятельности комиссий и отделов. СПб., 1907.
6. Журналы и протоколы высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия . СПб. , 1906. Т. I.
7. Журналы и протоколы высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. СПб., 1906. Т. II .
8. Журналы и протоколы высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. СПб., 1907. Т. III.
9. Журналы и протоколы высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. СПб., 1907. Т. IV.
10. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. СПб., 1906. ч. I.
11. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. СПб., 1906. ч. II.
12. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. СПб., 1906. ч. III.
13. Столыпин П.А.: Программа реформ. Документы и материалы: в 2 т. М, 2011.

– Источники личного происхождения

14. *Бердяев Н. А.* Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1990.
15. *Витте С. Ю.* Воспоминания. Том 2. Рукописные заметки. СПб., 2003.
16. *Евлогий (Георгиевский)*, митр. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогий (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994.
17. *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.
18. Историческая переписка о судьбах православной церкви. М., 1912.
19. Переписка С. Ю. Витте и К. П. Победоносцева (1895-1905) // Красный архив. 1928. Т. 5 (30).
20. Письма Победоносцева к Александру III. С приложением писем к в. кн. Сергею Александровичу и Николаю II. М., 1926.
21. *Победоносцев К. П.* Московский сборник. СПб., 1901.
22. *Родзянко М. В.* Крушение империи. М., 1992.
- Периодическая печать
23. *Бонч-Бруевичъ. В.* Еще о преследовании сектантов // Русские ведомости. 1911. №183. 10 августа. С.2.
24. *Григорьев А.* Из области ежовых рукавиц // Русские ведомости. 1910. № 247. 27 октября. С 4.
25. *Кокошкин О.* Ключевский о церковных реформах // Русские ведомости. 1911. № 166. 20 июля. С 3.
26. *Котляревский С.* Москва, 17 апреля // Русские ведомости. 1908. № 89. 17 апреля. С.1-2.
27. М-новъ С. О «вреде» свободы совести // Русские ведомости. 1908. № 98. 27 апреля. С. 3.
28. *Мельгунов С.* Гражданский правопорядок. Свобода совести // Русские ведомости. 1909. № 1. 1 января. С. 8-9.
29. *Мельгунов С.* Законопроекты о свободе совести в оценке синода // Русские ведомости. 1908. № 9. 11 января. С.1.

30. *Мельгунов С.* Защита старых позиций // Русские ведомости. 1908. № 63. 15 марта. С.2.
31. *Мельгунов С.* На старую дорогу // Русские ведомости. 1912. № 1. 1 января. С. 6-7.
32. *Мельгунов С.* Новая угроза свободе совести // Русские ведомости. 1909. № 15. 20 января. С. 3.
33. *Мельгунов С.* Свобода совести // Русские ведомости. 1911. № 1. 1 января. С 6.
34. *Мельгунов С.* Старые теории на новый лад. // Русские ведомости. 1908. № 109. 11 мая. С. 3
35. *Мельгунов С.* Церковь и свобода совести // Русские ведомости. 1908. № 1. 1 января. С. 5-6.
36. *Меньшиков М.* Расстройство церкви // Новое время. 1908 № 11463. 9 февраля. С. 4.
37. Москва, 1 августа // Русские ведомости. 1910. № 176. 1 августа. С. 2.
38. Москва, 28 июля // Русские ведомости. 1913. № 174. С. 2.
39. Москва, 29 марта // Русские ведомости. 1912. 29 марта. №73. С. 1.
40. Московские Ведомости. 1901. № 269.
41. О необходимости перемен в русском церковном управлении.
Церковный вестник. 1905. 17 марта. № 11.
42. О реформе прихода // Русские ведомости. 1911. № 174. 28 июля. С. 2.
43. *П-чъ С.* В духовной школе. Русские ведомости. 1909. 12 ноября. № 260. С. 2.
44. Проект реформы прихода. I // Новое время. 1911. № 12728. 19 августа. С. 3.
45. Проект реформы прихода. II // Новое время. 1911. № 12730. 21 августа. С. 3.
46. *Профессор.* Нужно ли высшее образование духовенству? // Русские ведомости. 1908. № 156. 6 июля. С. 2.

47. *С. М.* О «вреде» автономии для духовных академий // Русские ведомости. 1909. № 21. 27 января. С. 2.
48. *С. М.* Из книги и жизни // Русские ведомости. 1909. № 28. 5 февраля. С. 4.
49. *Сперанский Н.* Дать пастырям 4,000,000 // Русские ведомости. 1908. № 273. 25 ноября. С. 2.
50. *Сперанский Н.* Церковь и школа // Русские ведомости. 1908. № 73. 28 марта. С. 5-6.
51. *Тихомиров Л. А.* Церковный приход в России // Московские ведомости. 1902. 29 августа.
52. *Уланов В.* Исторические заслуги учительского класса // Русские ведомости. 1910. № 255. 5 ноября. С. 2.
53. *Уланов В.* Церковная школа // Русские ведомости. 1908. № 256. 4 ноября. С.3.
54. *Уланов В.* Церковная школа // Русские ведомости. 1908. № 260. 8 ноября. С. 3.
55. *Уланов В.* Церковь и общество // Русские ведомости. 1910. № 58. 12 марта. С. 4-5.
56. *Уланов В.* Церковь и общество // Русские ведомости. 1910. № 71. 28 марта. С. 6.
57. Церковная реформа и Государственная Дума // Русские ведомости. 1908. № 140. 18 июня. С. 1-2.
58. Юридический и нравственный авторитет церкви // Новое время. 1908. № 11432. 9 января. С. 3.
- Правила
59. Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. СПб., 1911, Т. 1.
- Архивные документы
60. РГИА. Ф. 821. Оп.10. Д.1064. Л. 21.

Литература

– Книги

1. *Арсеньев К. К.* Свобода совести и веротерпимость. СПб., 1905.
2. *Градовский А. Д.* Начала русского государственного права. Т. 1. СПб., 1875.
3. *Дворкин А. П.* Очерки по истории Вселенской Православной Церкви: Курс лекций. Нижний Новгород, 2005. URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/434799/> (дата обращения: 25.05.2016).
4. *Знаменский П. В.* История Русской Церкви. М., 1996.
5. *Карташов А. В.* Очерки по истории русской церкви, Том 1. Париж, 1959.
6. *Карташов А. В.* Очерки по истории русской церкви, Том 2. Париж, 1959.
7. *Карташов. А. В.* Церковь и государство. Париж, 1932.
8. *Мельгунов С. П.* Как создавалась в России государственная церковь. М., 1917.
9. *Мельгунов С. П.* Церковь и государство в России (к вопросу о свободе совести). М., 1907.
10. *Платонов С. Ф.* Полный курс лекций по русской истории. М, 2005.
11. *Полянский И., священник.* Старообрядцы и Высочайший Указ 17 апреля 1905 г. М., 1905.
12. *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.
13. Протоирей *В. Чаплин, Д. В. Поспеловский, В. ван дер Беркен* и др. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Часть Первая. М., 2004.
14. Прот. *Митрофанов Георгий.* История Русской Православной Церкви (1900–1927). URL: <http://predanie.ru/mitrofanov-georgiy-protoierye/book/79408-istoriya-russkoy-pravoslavnoy-cerkvi-1900-1927/> (дата обращения: 17.05.2015).

15. Прот. *Рожков В.* Церковные вопросы в Государственной Думе. М., 2004.
 16. *Рейснер М. А.* Государство и верующая личность. СПб., 1905.
 17. Русское богословие в европейском контексте. С. Н. Булгаков и западная религиозно-философская мысль: Сб. статей под ред. В. Порус. М., 2006. URL: http://bookz.ru/authors/sbornik-statei/russkoe-_147/page-8-russkoe-_147.html (Дата обращения: 06.03.2016)
 18. *Смолич И. К.* История Русской Церкви: 1700-1917: В 2 ч. М., 1996-1997.
 19. *Стефанович П. С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI-XVII веках. М., 2002.
 20. *Федоров В. А.* Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). М., 2003.
 21. *Фирсов С. Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002.
 22. *Флоровский Прот. Георгий.* Пути русского богословия. Париж, 1937.
 23. *Цыпин В.*, прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды (1700-2005). М., 2007.
 24. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. Т. XXV.
- Учебники и учебные пособия
25. *Жирков Г. В.* Золотой век журналистики России. История русской журналистики 1900 – 1914 годов. СПб., 2011.
 26. *Махонина С. Я.* История русской журналистики начала XX века. М., 2011.
- Электронные ресурсы
27. Духовный регламент. Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/180687.html> (дата обращения: 22.05.2016).

28. Государственная Дума // Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. URL:
<http://www.pravenc.ru/text/166321.html> (дата обращения: 05.05.2016)
29. Иеромонах *Петр (Еремеев)*. Проблемы реформирования высшей духовной школы в России в начале XX века // Семинарская святоотеческая библиотека. URL:
http://otechnik.narod.ru/eremovpr_1.htm (дата обращения: 12.02.2016).
30. Испытание свободой: божий дар или дьявольской искушение? // Газета «Кифа». URL: <http://gazetakifa.ru/content/view/3918/65/> (дата обращения: 15.07.2015).
31. Союз 17-го октября. Википедия. URL:
https://ru.wikipedia.org/wiki/Союз_17_октября (дата обращения: 04.05.2016)

– Статьи

32. *Алексин К.* Приход: община или учреждение? (Дискуссия в Предсоборном присутствии) URL:
<http://pstgu.ru/download/1343898520.stat.pdf> (дата обращения: 18.05.2016).
33. *Беглов А. Л.* Особое Совещание для выработки проекта о православном приходе 1907 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия «История. История Русской Православной Церкви». 2012. Вып. II: № 5(48). С. 39–61.
34. *Бендин А.* Свобода совести или веротерпимость? К вопросу о полемике в российской печати в начале XX столетия // Проект «Западная Русь». URL: <http://zapadrus.su/rusmir/istf/719-xx-163.html> (дата обращения: 25.05.2016)
35. *Бендин А. Ю.* Эволюция понятия веротерпимости и указ 17 апреля 1905 г. / Исторические записки. Вып.9 (127) / отв. ред. Б. В. Ананьич. М., 2006.

36. *Богданова Е. М.* Газета «Русские ведомости»: издатели-редакторы и сотрудники // Филологические науки в России и за рубежом: материалы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). СПб., 2012. С. 188–191.
37. *Винарова М.* Религиозно-философские собрания: русская интеллигенция в поисках истины // Православие.ru. URL: <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/60013.htm> (Дата обращения: 15.07.2015)
38. Духовное ведомство и приходские институты: проект положения о православном приходе в редакции В. К. Саблера 1912 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2013. Выпуск 7 (23). URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000560-5-1> (дата обращения: 12.02.2016).
39. *Жукова О. А. Кара-Мурза. А. А.* В борьбе за свободу совести (о дискуссии вокруг речи М.А. Стаховича на «Миссионерском съезде» в Орле 1901 г.) // Орловский мудрец, опередивший время. Сборник научных статей. Орел, 2011. С. 27-46.
40. *Журавский А. В.* Приход в Русской Православной Церкви. XX век. Православная энциклопедия под общей редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2000.
41. *Иг. Новик Венеамин.* Проблематика спора о “свободе совести” на Религиозно- философских собраниях в Санкт-Петербурге (1901-1903). Доклад на юбилейной конференции (14-15 дек. 2001, СПб, Музей истории религии, С-Петербургский Университет, филос. ф-т). URL: http://www.vehi.net/politika/novik.html#_ftn3 (дата обращения: 15.07.2015).
42. *Кистяковский А.* О преступлениях против веры // Наблюдатель. 1882. № 10. С.102.
43. *Колман Х.* Ересь и сектантство: IV Всероссийский миссионерский съезд и проблема культурного влияния в России после 1905 г. Доклад на конференции “Православие и межконфессиональные отношения в

- России: прошлое, настоящее, будущее” (Санкт-Петербург, 6-8 июня 1995 г.) // Портал Преображенское братство. URL: <http://psmb.ru/mission/article/eres-i-sektantstvo-iv-vserossiiskii-missionerskii-s-1984/> (дата обращения: 25.05.2016).
44. *Комаров А.* Свобода совести в системе взаимоотношений религиозных организаций и государства в России (1918-1990) URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=3328> (дата обращения: 20.04.2016).
45. *Короленко В. Г.* Черточка из автобиографии. Русские ведомости (1863 - 1913). Юбилейный сборник. СПб., 1913 // Портал «Литература и жизнь». URL: http://dugward.ru/library/korolenko/korolenko_chertochka.html (дата обращения: 20.04.2016).
46. *Манькова Е. В.* Газета “Русские ведомости” о церковном реформировании // Клио. 2016. 22 апреля. № 4 (112). С. 13–21.
47. *Манькова Е. В.* Газета «Русские ведомости» о свободе совести (1908–1910 гг.) // Современная медиасреда: творчество и коммуникативные практики. Взгляд молодых исследователей: межвуз. сб. науч. работ студентов и аспирантов. Вып. 15 / ред. М. А. Бережная, сост. А. Н. Марченко. СПб., 2016., С. 69-76.
48. *Одинцов М. И.* Вероисповедные реформы в государственной думе (1906-1917гг.): надежды, дискуссии и исторические уроки. // Российское объединение исследователей религии. URL: <http://rusoir.ru/president/president-works/president-works-199/> (дата обращения: 25.05.2016).
49. *Папков А. А.* Начало возрождения церковно-приходской жизни в России. М.: Москва, 1900.
50. *Папков А. А.* Необходимость обновления православного церковно-общественного строя // Русский вестник, июнь, 1902 г. URL: <http://favor2.chat.ru/hist39ap.htm> (дата обращения: 12.02.2016).

51. *Пинкевич В. К.* П. А. Столыпин и религиозный вопрос в начале XX века // Национальные интересы. 2004. № 4. URL: <http://www.ni-journal.ru/archive/52ab0058/698cdbec/d055ee76/f0a6600a/> (дата обращения: 12.02.2016).
52. *Сафонов А. А.* Указ 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» в контексте формирования института свободы совести в законодательстве Российской империи URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/68005160> (дата обращения: 25.05.2016).
53. *Смолич И. К.* К вопросу о периодизации истории Русской Церкви // Альфа и Омега: Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. М., 1998. № 3 (17). С. 159-174.
54. *Смолич И. К.* Предсоборное присутствие 1906 года. // Журнал "Путь" №38. С. 71.
55. *Шмеман Александр*, священник. Эпилог // Церковный вестник Западно-Европейского Православного Русского Экзархата. № 5 (38). Париж, 1952. С. 4.